„Socialistitcheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 6 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 9/10 (413/414)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год—6 долл., за ½ г—3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за годъ—150 фр., за ½ г.— 75 фр., за ¼ г—40 фр. За перем. адр.—1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 350.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

28 Мая 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Действительный залог победы

В момент, когда пишутся эти строки, Европа переживает один из самых критических моментов своего после-военного существования. Никогда, со времени июльских дней 1914 г., Европа не была так близка к новой войне, как в дни 22-23 мая.

Ощетинившись штыками, стояли на чехословацкой границе друг против друга в эти дни в боевой готовности враждебные армии, готовые ринуться в бой по первому приказу; с оглушительным грохотом вертелись пропелеры на сотнях боевых аэропланов на военных аэродромах Германии, Чехословакии, России и Франции, готовые по первому сигналу подняться в воздух...

Если гроза на этот раз не разразилась, то это отнюдь еще не означает, что она миновала, что небосклон очищен от туч, что наступило длительное успокоение. Наоборот: за этой временной отсрочкой неизбежно и неотвратимо последует еще большее сгущение грозового электричества, еще более роковое приближение мировой катастрофы. Об этом свидетельствует политика Германии и Италии, да и других «великих держав» в Испании; об этом красноречиво говорил Муссолини в своей генуэзской речи; тому свидетельницей политика гитлеровской Германии в Центральной Европе и на Балканах. Все наглеющий блок фашистских агрессоров, хищнические планы мирового господства которого не встречают должного отпора со стороны так наз. демократических стран, ставит мир перед дилеммой: р а б с т в о и л и в о й н а!

Но рабство — это не только потеря государственной и национальной независимости, суверенности, не только превращение в колонию Германии, Италии или Японии, это прежде всего — потеря духовной и моральной свободы; это — социальное порабощение, превращение в бесправных илотов широчайших масс мирового пролетариата.

Удивительно-ли, что именно в организованном рабочем классе, в социалистических партиях и профсоюзах мира все больше наростает внутреннее сопротивление против грозящего рабства, все крепнет решимость бороться против фашистской агрессии, не останавливаясь ни перед чем?! Социалистический пролетариат, этот передовой борец за полную свободу, за всестороннее раскрепощение всего человечества, — становится центральной осью мирового сопротивления против фашизма и империализма.

Нужно-ли подчеркивать, какое значение при этом положении дел приобретает внутреннее состояние пролетариата, степень его организованности и сплоченности, его идейного и организационного единства? Нужно-ли говорить о том, какое гигантское, может быть, даже решающее значение в данный исторический момент приобретают — прежде всего для самого Сов. Союза, непосредственно угрожаемого Германией и Японией — взаимоотношения между организованным пролетариатом мира, фактически идущим под знаменем демократического социализма, и Сов. Союзом?!

Руководители Сов. Союза это понимают. Об этом не так давно писал «сам» Сталин в своем письме к комсомольцу Иванову; об этом же трактует Димитров в своей первомайской статье, обошедшей всю коммуни-

стическую печать; этой же теме посвящено воззвание Коминтерна к Первому Мая.

Но что означают самые горячие призывы к единству, какое реальное значение имеет самая напыщенная декламация о братстве и единении перед лицом той фактической политики, какая делается Сталиным и его лакеями и прихлебателями из лагеря Коминтерна?

Ведь Сов. Россия была до сих пор для европейского пролетариата не просто одним из крупных государств, располагающих большой армией и могущих быть военным союзником в борьбе против гитлеровской Германии. Ведь Сов. Союз до сих пор расценивался мировым пролетариатом не только под углом зрения его военного могущества, количества дивизий и танков или его стратегического значения. Ведь русская революция, даже в ее большевистской форме, была для широких масс рабочих в Европе и во всем мире своим, кровным делом, частью своей собственной борьбы за свободу и социализм. При всем критическом отношении к методам и тактике большевизма, при всем скептицизме в отдельных вопросах, в сердцах миллионов рабочих и трудящихся во всех странах до самого последнего времени неистребимо сохранялась надежда, что, может быть, все-таки, вопреки всему, вопреки очевидности даже, русской революции удастся построить какую-то форму нового социального строя, какое-то приближение к социализму, если и не самый социализм.

В этом отношении к Советскому Союзу и большевистской диктатуре были свои периоды под'ема и падения, приливы и отливы. Но только последняя вакханалия сталинского террора; только гнусная и бесчеловечная расправа со всеми революционерами, несогласными со Сталиным; только систематическое истребление старой большевистской гвардии; только кровавый фарс «процессов ведьм» нанесли смертельный удар надеждам и чаяниям мирового пролетариата, залили кровью огонек веры в счастливый исход большевистской революции.

Растоптав сапогом Ежова «советскую демократию», вызвавшую было столько надежд и иллюзий, утопив в кровавом хаосе хозяйственную жизнь страны, дезорганизовав бесчисленными расстрелами и арестами армию, флот, авиацию и все дело обороны страны, создав на международной арене атмосферу небывалой изоляции и полной моральной пустоты вокруг СССР, — Сталин и его подручные из Коминтерна (ведь в простого безгласного подручного превратился Димитров — некогда герой лейпцигского процесса!) обращаются к мировому социализму с призывом к единству!

Трудно представить себе более лицемерный, внутренне-фальшивый, неискренний и потому неубедительный документ, нежели эта статья Димитрова, по своему содержанию рабски копирующая первомайское воззвание Коминтерна. Говорят, что Сталин, благодаря своему незнанию иностранных языков, мало осведомлен о том, что действительно делается заграницей, и имеет чрезвычайно смутное и извращенное представление о действительных настроениях европейских и американских рабочих. Может быть это и так, хотя нам это представляется крайне мало вероятным. Но ведь Димитров-то и другие вожди Коминтерна иностранные языки знают. Ведь аппарат информации, которым располагает во всех странах Коминтерн и советское правительство, не так уж плох. Каким же образом об'яснить, что на 20-м году большевистской диктатуры, после 18 лет работы Коминтерна в Европе и Америке, Димитров и Сталин могут хоть на одну минуту допустить, что такого рода «обращение» может иметь хотя бы малейший успех среди организованных рабочих европейских или американских стран?! Неужели среди них имеется хоть один человек, который искренне верит в то, что европейский пролетариат можно сейчас, в 1938 г., привлечь к Москве (к Сталину!) по-зиновьевски, методами 1920 г., «через головы вождей», в борьбе против «Ситринов»!?

Нет сейчас в Европе социалистических пролетариев, которых можно было бы убедить в том, что действительным или основным препятствием на пути к пролетарскому единству являются «Ситрины и Даны». Ведь если-бы в Советском Союзе сейчас царила не кровавая тирания Сталина-Ежова, ведь если-бы в Советской России, — даже нищей, разутой и раздетой, — революционная власть проводила не политику патологического преследования «троцкистов», оппозиционеров и всех социалистов, а начала того «пролетарского гуманизма», о котором, вместе с несчастным Бухариным, мечтали для России многие европейские социалисты, — если-бы Россия усилиями Сталина и его помощников не превратилась в страну «Великой лжи» (по меткому определению бывшего коммуниста Цилиги), а была бы страной правды, честности и свободы, — то разве была бы на свете сила, которая могла бы противостоять стихийной тяге мирового пролетариата к единению со страной революции? Разве «сорок тысяч» Ситринов могли бы хоть на один день задержать осуществление мощного и победоносного пролетарского единства?!

Нет, не гнусно оклеветанные Вышинскими и Димитровыми «Ситрины и Даны» являются препятствием для реализации столь нужного миру единства рабочего класса. Не их истребление или устранение является, как облыжно утверждает «Правда», «залогом победы». Действительной и в данный момент единственной преградой на пути к единству сейчас является политика Сталина в России. Радикальное преодоление этой политики, радикальный и решительный разрыв со сталинизмом — вот единственный путь к спасению, вот действительный залог победы.

Ф. ДАН.

К республиканским выборам

По всему Советскому Союзу идет подготовка к выборам в Верховные Советы национальных республик и протекает так называемая избирательная кампания.

В минуты, подобные переживаемым, когда войска германского национал-социализма уже «маневрируют» вдоль границ Чехословакии, а сама Чехословакия уже начинает мобилизацию, и когда, следовательно, европейский и всесветный мир буквально висит на волоске, — в такие минуты трудно было бы сосредоточить свое внимание и на самым доподлинных, серьезных и свободных выборах в какой угодно стране. Еще труднее в такие минуты писать о той постыдной и в своем втором (после «всесоюзного») издании скучной и нудной плебисцитарной комедии, в которой «свободная самодеятельность» населения проявляется, если судить по советской печати, исключительно в той поистине чудесной политической прозорливости, с какою избиратели самых захолустных углов не только выставляют полагающиеся им по штату кандидатуры «любимых вождей», но и не выставляют не полагающих-

ся — ни Эйхе, ни Коссиора, ни Стецкого, ни других, только вчера еще числившихся в «лучших из лучших» и «беззаветно преданных». Как будто по мановению волшебной палочки (надо думать, Ежовского изделия!) и в порядке какого-то политического сверх-чутья все советские избиратели, от финских хладных скал до пламенной Колхиды, приходят к единовременному и единогласному заключению, что кандидатуры этих «веждей» выставлять уже не надо, хотя советская печать до сих пор и звука не проронила о их низвержении в сонмище изменников, шпионов и врагов народа.

Да, думать и писать о таких выборах в такие минуты поистине нелегко! Но думать и писать надо, потому что итоги тех социально-политических процессов, которые протекают ныне в оболочке выборов и всего, связанного с введением новой конституции, имеют и будут иметь мировое значение; потому что социально политические судьбы русской революции имеют и будут иметь самое непосредственное влияние и на судьбы всесветной войны и всесветного мира; потому, наконец, что роковой с точки зрения мирового рабочего движения смысл той эволюции советского режима, которая позволяет Сталину превращать всеобщие выборы в позорную плебисцитарную комедию, станет сугубо роковым, если эволюции этой будет суждено завершиться в условиях мирового военного пожара.

Пока Рубикон контр-революции еще окончательно не перейден, пока есть хоть малейшая надежда сохранить Советский Союз в качестве опоры мира, демократии и социализма и помешать ему превратиться в рычаг усиления фашистской и военной опасности, — до тех пор, как бы минимальны ни были шансы на успех (кто и на каких весах может безошибочно взвесить их?), долг всякого социалиста, демократа и сторонника мира — сделать все, чтобы остановить пагубную эволюцию и повернуть развитие Советского Союза на другие, не плебисцитарно - бонапартистские, а демократические пути. Ставить себе такую задачу, игнорируя те социально политические процессы, которые протекают в «конституционной» оболочке, по-просту невозможно. И потому, как ни грозен момент с точки зрения военной опасности, или, вернее, именно потому, что он так грозен, разыгрываемая в Советском Союзе плебисцитарная комедия имеет право на самое серьезное внимание демократов и социалистов.

До сих пор Сталин с неизменным успехом плебисцитарно использует новую конституцию всеобщего и равного избирательного права и созданные ею представительные учреждения для закрепления и усиления своего единовластия. Не будет ничего удивительного, наоборот, — все исторические прецеденты (вплоть до использования Гитлером Веймарской конституции) делают вероятным, что те «верхние десять тысяч» советского общества, которые захотят или уже хотят ликвидировать кроваво - беспорядочное сталинское единовластие во имя контр-революционного порядка своей собственной диктатуры, тоже попытаются плебисцитарно использовать эту конституцию и эти учреждения для санкционирования и упрочения результатов своего «дворцового переворота». Задача трудящихся масс, о которой им должны непрерывно напоминать социалистам, заключается не в том, чтобы махнуть рукой на эту конституцию и эти учреждения, а, наоборот, в том, чтобы вырвать их из рук и единодержавца-Сталина, и его «верхушечных», вопреки всем благим намерениям лишь на контр-революцию способных антагонистов, и из орудия плебисцитарной фальсификации демократии превратить их в орудие борьбы за подлинную демократизацию режима.

Но — в зверских условиях сталинского террора никакие проблески сколько-нибудь организованной борьбы рабочих невозможны, говорят многие социалисты, особенно — русские социалисты, имеющие уже за плечами 15, а то и более лет эмиграции.

Что в этих условиях не только ведение, но самое возникновение таких форм борьбы адски трудно, — об этом спору нет. Но — невозможно?... Насчет этого можно быть разных мнений, и, напр., итальянский рабочий-коммунинст, 5 лет работавший в Советском Союзе и в достаточно мрачных красках рисующий тамошнюю политическую обстановку, не решается быть в этом вопросе особенно категоричным и не берет на себя «смелости» ответить определенно на вопрос, «примет-ли сопротивление рабочих более организованную форму и сможет-ли оно превратиться в массовые рабочие выступления» (см. в этом-же номере отдел «По России»). И эта осторожность вполне понятна. Ибо прав был тот советский рабочий, конечно, не хуже нас знающий весь ужас советской политической обстановки, который даже по поводу такого выступления, как стачка, высказал т. Цилиге (см. стр. 96 его книги) мнение, что «главным препятствием для проведения той обширной работы, которая нужна для подготовки стачки, является не столько ГПУ, сколько настроение самой рабочей массы».

Да, настроение самой рабочей массы — в нем и заключается, выражаясь по сталински, «гвоздь вопроса». Пока массы, по усталости-ли, по обескураженности или по непониманию, равнодушно и пассивно смотрят на плебисцитарное проституирование новой конституции, до тех пор использование ее в интересах этих масс абсолютно невозможно, до тех пор у диктаторов — своя рука владыка. И совсем иное дело, если настроение масс начнет изменяться в сторону настойчивого стремления овладеть конституционными рычагами. Никакой, самый свирепый террор сталинской диктатуры не сможет в этом случае помешать проявлению активности масс, потому что их «боевые» настроения будут заражать и разлагать, начиная с низовых звеньев и поднимаясь до самой верхушки, и тот аппарат террора, которым сталинское единодержавие держит их в узде.

Когда произойдет этот поворот в настроении масс и каким темпом будет он развиваться, — это зависит от ряда заранее неучитываемых обстоятельств не только внутренне-, но и внешне политического порядка, и предсказать этого никто не может. Но что и во внутренней, и во внешней социально - политической обстановке имеется достаточно факторов, делающих такой поворот рано или поздно (и скорее «рано») неизбежным, — это несомненно. Несомненно поэтому и то, что в сторону такого изменения настроения трудящихся масс, в сторону пробуждения их активности и прежде всего активности в той форме борьбы за овладение конституционно - государственными рычагами, которая сама из себя рождает элементы политической сознательности и организованности (залог подлинной, а не иллюзорной победы трудящихся масс, а потому демократии и социализма), — несомненно, что в эту именно сторону должна быть направлена вся энергия демократов-социалистов.

Они могут работать в этом направлении с тем большими надеждами на успех, чем больше, вместе с формальным распространением новой конституции на все сферы государственной и муниципальной жизни, и новые формы выборов спускаются с всесоюзных верхов, через республиканские центры в местные низы. Ибо низовые, «муниципальные» выборы наиболее непосредственно затрагивают самые элементарные, материаль-

ные и бытовые, интересы, которыми, особенно в обстановке повальной нищеты и политической несвободы, только и живут пока широчайшие массы; поэтому эти выборы наиболее способны пробудить массы к активности и борьбе, но в то же время внедрить в их сознание и понимание решающего значения чисто «политических» выборов республиканского и всесоюзного масштабов.

Демократы - социалисты могут и должны работать в этом направлении с твердой надеждой на конечный успех. Они могут и должны работать в этом направлении с той несокрушимой энергией и пламенной страстью, которые даются сознанием, что в этой, адски трудной и в то же время на первый взгляд такой невидной и неблагодарной работе заключается на самом деле самый большой вклад, какой они могут сделать не только в дело служения интересам советских трудящихся масс и спасения русской революции, но и в дело служения международной демократии и социализму, дело всесветного мира.

О величайших проблемах современности непосредственно напоминают и те республиканские выборы Советского Союза, которые сейчас представляют собою лишь скучную и нудную плебисцитарную комедию...

А. ЮГОВ.

ОПАСНЫЕ СИМПТОМЫ

Скупо, искаженно, распыленно публикуются в последнее время сведения о работе советской индустрии. Нет ни былых регулярных кон'юнктурных обзоров, ни систематических оттчетов по отдельным отраслям. Свыше четырех месяцев прошло уже после окончания 1937 года, а до сих пор нет отчетных данных за истекший год. В отчетных тетрадках Статистического Бюро Лиги Наций даже те скудные данные, которые СССР, со времени своего вхождения в Лигу Наций, сообщало Статистическому Бюро, теперь отсутствуют. «Страна плана и учета» теперь находится в группе тех отсталых стран, в которых «нет регулярной и доброкачественной статистики».

Отсутствие до сих пор отчетов по 1937 году тем симптоматичнее, что этим годом закончилась вторая пятилетка, и итоги по этому году были бы итогами второй пятилетки.

Мы уже писали в одной из наших статей, что в 1938 году, в отличие от всех прошлых лет не был опубликован сколько-нибудь подробный хозяйственный план на 1938 год. И вместо обычного обсуждения плана на с'езде советов и на партийной конференции, в этом году план был опубликован приказом в 100 строк.

Журнал «Плановое Хозяйство» весьма усердно печатает ститистические сводки о хозяйстве капиталистического мира, но совершенно не печатает отчетов по СССР.

Журнал «План», ранее регулярно сообщавший итоги по суточной работе важнейших отраслей индустрии, в 1938 году еще не выпустил ни одной книжки!

Для того, чтобы судить о работе советской индустрии приходится собирать из разных изданий разрозненные и косвенные показатели и делать обобщения на

Ф. ДАН.

Ложь и правда Советского Союза

А. Цилига, югославский коммунист, отправившийся в конце 1926 года в Советский Союз для работы в Коминтерне, через два года арестованный там и, после почти 8-летних мытарств по политизоляторам и местам ссылки, выпущенный заграницу, написал интересную книгу, озаглавленную «В стране великой лжи» и вышедшую пока во французском переводе *).

Тов. А. Цилига не незнакомец для читателей «Социалистического Вестника». За 1936-37 гг. в нашем журнале было помещено несколько отрывков из вошедших ныне в его книгу впечатлений и наблюдений его в советских тюрьмах, а также две статьи: «Что-то гнило в царстве датском» (№ 16 за 36 г.) и «Следствие в СССР, как я его видел» (№ 3 за 37 г.), связанные — первая с процессом Зиновьева-Каменева и вторая с процессом Пятакова-Радека. Уже в этих «пробах пера» можно было оценить те достоинства т. Цилиги, как наблюдателя и критика советской жизни, которые делают его книгу выдающимся явлением в той, теперь уже весьма обширной, критической литературе, которая посвящена за последние годы Советскому Союзу коммунистами, порвавшими с сталинской диктатурой, или бывшими апологетами русского большевизма.

Эти достоинства заключаются, во-первых, в широте того круга наблюдений, который постарался охватить т. Цилига. По своему «социальному положению» в Советском Союзе, Цилига принадлежал к «верхним десяти тысячам» советского общества. Но, в противоположность столь многим «знатным иностранцам», он ни на минуту не отождествлял этой привилегированной части советского общества с его целым и с самого начала своего пребывания в Советском Союзе настойчиво стремился заглянуть за пределы того узкого круга, в котором жил сам, на фабрики и заводы, в городские предместья и в деревню — всюду, где живут и работают, думают и по своему реагируют на события широкие массы советского народа. Долголетнее пребывание в тюрьме и ссылке, через которые проходят миллионы людей всех «племен, наречий, состояний», сорванных вихрями революции с вековых корней, и в которых, по условиям тоталитарно-диктаторского режима, только и могут свободно проявляться ищущая, обобщающая, критическая, протестующая мысль и неприкрашенная «правда» режима, еще более расширило поле наблюдений Цилиги, и — скажем это мимоходом — надо пожелать, чтобы ему удалось еще рассказать о своих встречах и впечатлениях в ссылке (во многих отношениях, вероятно, еще более интересных, чем тюремные впечатления и встречи), для которых уже, повидимому, не оказалось места в ныне вышедшей книге.

*) *A. Ciliga.* Au pays du grand mensonge. Ed. Gallimard. Paris. Prix 28 frs.

основании весьма неудовлетворительного материала.

На основании такой работы, мы сделали некоторое время назад вывод, что советская индустрия сейчас находится в полосе опасных явлений деградации.

Сейчас «Большевик» опубликовал статью Н. Вознесенского «Государственный план развития народного хозяйства СССР в 1938 году» и статью А. Мендельсона «Итоги первого квартала 1938 года» (№ № 7 и 9, 1938 г.).

Эти статьи авторитетных представителей современного Госплана и ЦУНХУ (Центр. Управл. Народохозяйственного Учета) позволяют оценить состояние промышленности уже на основании отчетного материала.

Выводы весьма неутешительны!

План 1938 года намечал общее увеличение промышленной продукции на 17%, по сравнению с 1937 годом. Продукция первого квартала 1938 года возрасла лишь на 9,7%, по сравнению с соответствующим периодом 1937 года. При этом важно отметить, что, несмотря на все старания и ударные приказы Кагановича, особенно далека от выполнения плана промышленность, производящая средства производства: годичный план намечал рост на 27%, выполнение идет в первом квартале лишь на уровне 11,5%.

Отмечая существенное невыполнение плана, Мендельсон возлагает надежды на то, что во втором квартале начнется значительное увеличение темпа. Он приводит специальную таблицу, которая должна доказать, что это увеличение темпа уже определилось. Сейчас «Индустрия» (17 мая) опубликовала отчеты по главнейшим отраслям, которые показывают, что апрель дал еще более резкую картину снижения производства!

Не выполняют систематически план нефтяная, торфяная и угольная промышленность. Несмотря на громадные ассигновки, на механизацию и стахановские рекорды добыча угля хотя и несколько поднялась по сравнению с соответствующими месяцами 1937 года, но все же не превышает уровня 1936 года.

Добыча руды, и в частности железной руды, также сильно отстала от плана и, что особенно важно, уже не удовлетворяет требований металлургии.

Первые три месяца 1938 года металлургия, хотя и не выполняла плана, но увеличивала продукцию, в апреле же размеры продукции чугуна, стали и проката сильно снизились. С большими перебоями работает машиностроение, особенно отстают отрасли по производству машин и оборудования для сельского хозяйства и транспорта.

Очень плохо работали лесная промышленность и производство строительных материалов. Из всех важных отраслей стопроцентно выполняет план только автомобильная промышленность и производство моторов.

Легкая индустрия повысила в первом квартале выработку на 5%, но план все же не был выполнен. Существенно отметить, что сейчас происходит расплата за те «минималистские темпы», в которых осуществлялось в прошлые годы оборудование текстильной индустрии станками и машинами. Господствовало тогда мнение, что для переработки имеющегося в стране сырья, текстильная промышленность обладает достаточным количеством технического оборудования. За робкое предостережение и возражение против таких взглядов специалисты хозяйственники были осуждены по процессу промпартии. Теперь, по свидетельству сталинских хозяйственников, хлопчато - бумажная индустрия именно из-за недостатка и устарелости станков и машин была не в состоянии переработать даже имеющиеся запасы хлопка?

Рекордно работала пищевая промышленность,

Но, помимо широкого поля наблюдений, крупнейшим достоинством этой книги, делающим ее сугубо интересною для всякого политика, и особенно для политика-социалиста, является самый подход автора к наблюдаемым им явлениям, тот угол зрения, под которым он рассматривает развертывающийся перед ним колоссальный материал. Как он сам говорит (стр. 101), в своей книге он хочет запечатлеть «не личную или сенсационную сторону своих наблюдений, а лишь их социальную сторону». Социальный смысл и социальные итоги того грандиозного потрясения, которое переживает за последние двадцать лет бывшая Российская Империя, и, в частности, социальный смысл и социальные итоги той эволюции советского режима, которая происходит под эгидой сталинской диктатуры, — вот вопрос, который ставит себе Цилига с самого прибытия своего в Советский Союз, и вот та точка зрения, с которой он выбирает и систематизирует материал из нахлынувшего на него необозримого хаоса разрозненных фактов и наблюдений. Благодаря такому методу, и те «мелочи» быта или разговоров, которые он сообщает, подобраны так, что позволяют заглянуть, прежде всего, в социальную психологию тех слоев населения, к которым относятся, и, на основе ознакомления с их, если можно так выразиться, социальным самочувствием, лучше понять социальную структуру и, что еще важнее, социальную динамику советского общества в современной фазе его развития.

И, наконец, особенно ценным (потому что особенно редким) достоинством надо признать бесспорное идейное мужество автора, позволяющее его критической мысли не останавливаться ни перед его собственным прошлым, ни перед его прежними «богами»: не только Троцким, но и самим Лениным.

Эти громадные достоинства книги заставляют рекомендовать ознакомление с нею всякому, желающему разобраться в проблемах советской жизни. Но тем необходимее, наряду с подчеркиванием достоинств книги, указать и на недостатки методологии автора, приводящие его к неверным, на мой взгляд, выводам и обрывающие на полдороге и тот критический пересмотр большевизма, к которому побудили его наблюдения над «сталинскою» практикою большевизма.

***

Еще в предисловии автор, как бы суммируя свои наблюдения, говорит: «своеобразие современной России состоит лишь в том, что новое издание прошлого прикрывается там самой яркой мишурой, самыми передовыми теориями, самыми модернистскими лозунгами и самыми смелыми грезами». Лишь в том... Здесь слово автора пошло как будто значительно дальше действительного содержания его книги, показывающего в современной России не только переиздание прошлого, но много действительно нового, и даже значительно дальше подлинной мысли автора, один из основных выводов которого, как еще увидим, в том и заключается, что в Советском Союзе создался совершенно новый, никогда ранее не виденный социальный строй. Но слово это — и не простая обмолвка: краткая формула предисловия автоматически отразила недостаточную «диалектичность» анализа.

Там, где все еще находится в движении, где идет еще тяжба между антагонистичными социальными си-

своим темпом в 18% «скрашивая» весьма неприглядные цифры общего роста. Конечно, с точки зрения потребления страны рост пищевой индустрии факт положительного порядка, но для характеристики состояния индустрии этот факт мало показателен, так как в пищевую индустрию зачисляются тысячи мелких предприятий по переработке муки, мяса, овощей.

Сильно ухудшилась работа и железнодорожного транспорта. Это особенно ярко выразилось в снижении суточной погрузки вагонов. В прошлом году погрузка стояла на уровне 90 тыс. вагонов, план на 1938 год намечал 95 тыс. вагонов. В первом квартале 38 года погрузка была равна в среднем лишь 75-77 тыс. вагонов.

***

Сам по себе факт снижения продукции не обязательно вызывал бы у нас отрицательное отношение. Его всегда надо рассматривать в связи с другими факторами экономического порядка. Те темпы, которыми в последние годы росла промышленная продукция СССР, были столь чрезмерны, столь обременительны, что снижение их могло бы быть явлением положительного порядка. Разумное понимание народохозяйственных интересов повелительно требует уменьшениня той доли народного дохода, которая направлялась до сих пор на задачи сверхиндустриализации. Да и интересы самой индустрии требуют не столько роста продукции, сколько целесообразной реорганизации процессов производства, технического освоения созданного основного капитала и обязательного улучшения качества продукции.

Но то, что сейчас происходит в индустрии СССР, об'ясняется совсем другими обстоятельствами и имеет явно отрицательный характер.

Расходы на расширение индустриального строительства в текущем году совсем не уменьшены, напротив значительно увеличены: в прошлом году около 13 миллиардов, в 1938 году около 20 миллиардов рублей. В том то вся беда, что темпы роста продукции снижаются, несмотря на то, что размеры финансирования капитального строительства увеличиваются. Из'ятие у населения его дохода на цели сверхиндустриализации не уменьшилось в размерах, уменьшилась лишь эффективность ранее работавших и начинающих работать заводов и фабрик. Финансирование индустриализации производится в размерах предполагавших увеличение в 17-20%, а действительный рост продукции едва-едва превышает 9%.

Это очень опасное обстоятельство, даже по мнению тех, кто не склонен рассматривать хозяйство СССР под углом зрения неизбежных катастроф. Но в ряде отраслей индустрии СССР, притом в отраслях важнейших, наблюдается в последнее время не только замедление темпа роста, но и отсутсттвие роста, а часто даже и снижение размеров продукции.

Выработка за первые четыре месяца 1938 года колеблется около уровня 1937 года в металлургической промышленности и на уровне 1936 года — в угольной индустрии. Рудная, цветных металлов, лесозаготовительная, деревообрабатывающая и строительная промышленности дали в текущем году выработку даже ниже 1937 года!

Но всего хуже обстоит дело с качественными показателями. Ни одна отрасль не дала улучшения качественных показателей в размерах, намеченных планом. Себестоимость продукции в отдельных отраслях снизилась лишь на доли процента, а в большинстве даже повысилась, напр., в рудной и строительной индустрии на 12%. Выработка на отдельного рабочего заметно снизилась. Качество продукции вновь существенно ухудшилось...

лами, а потому и между антагонистичными тенденциями завершения революции, — там Цилига видит уже законченное и однозначное «торжество» одной из тенденций, именно той, которая органически враждебна пролетариату и социализму и стремится к «консолидации общества на основе нового угнетения и новой формы эксплуатации» (предисловие). Если последовательно развить эту точку зрения до конца, то придется признать, что в Советском Союзе нет уже места для борьбы за то или иное завершение революции: эта борьба уже бесповоротно закончена поражением трудящихся масс и социализма и торжеством контрреволюции. Таким образом, говорить о Советском Союзе, как о стране революции, вообще уже не приходится: это страна контр-революции, настоящее место которой было бы... в германо-итальянско-японском «анти-коммунистическом» блоке. В такой перспективе и самые задачи пролетарско социалистических элементов сводились бы уже не к борьбе за «свое» завершение революции, а к борьбе на совершенно новой, по- и контр-революционной почве, т. е. к борьбе за новую революцию.

Цилига и действительно провозглашает неизбежность и необходимость новой революции, «революции не только политической, но и социальной, которая расчистит путь к социализму» (стр. 218). Это не значит, однако, что он проводит указанную выше точку зрения последовательно на всем протяжении своей книги. И как раз непоследовательность, являющаяся самой слабой стороной его нынешней концепции, может считаться политически известным плюсом, поскольку она включает в себя не только возможность, но и необходимость дальнейшей критической работы автора над советским материалом. Но пока что точка зрения, быть может, чрезмерно угловато высказанная им в предисловий, весьма отчетливо дает себя знать во всех политических суждениях и выводах его. Она дает себя знать, если угодно, и в самом заглавии его книги.

«В стране великой лжи»... ...Превосходное заглавие, если понимать его так, что все слова о социализме, самой совершенной демократии, бесклассовом обществе и т. п. становятся все больше и больше «великою ложью» в устах того привилегированного социального слоя, который правит сейчас Советским Союзом. Но одновременно нельзя забывать, что те-же самые слова в устах миллионов трудящихся являются запоздалым эхом былых мечтаний, отзвуком смутных надежд, иллюзией, — чем угодно, но только отнюдь не «великой ложью», не имеющей никакого отношения к «реальной жизни», а, наоборот, отражением в «сознании» трудящихся масс некоего реального «бытия», присущего или, если хотите, еще присущего «советской» революции и в нынешнем, сталинском фазисе ее.

Разве в «великой лжи», а не в «реальной жизни» Советского Союза, источник той «раздвоенности» рабочей психологии и рабочего отношения к социально-политическим проблемам его, о которой так красноречиво повествует сам Цилига на стр. 94-95 своей книги? Разве не коренится эта раздвоенность в «сосуществовании» двух рядов явлений, антагонистичных, но одинаково имеющих место в «реальной жизни»: роста экономического и социального неравенства, порабощения масс и привилегий «верхних десяти тысяч» на одной стороне, уничтожения частной собственности на

Оффициальные советские экономисты пытаются завуалировать и скрасить эти печальные итоги, но отчетные данные явно говорят об явных и опасных симптомах деградации.

Почему, несмотря на громадные вложения, на новые, самые совершенные машины и станки, на рост технических кадров, на отсутствие проблемы сбыта — работа индустрии в СССР не улучшается, хотя бы медленно, а ухудшается?

В 1936 и 1937 году все дефекты работы хозяйства руководители советского хозяйства об'ясняли вредительством правых и левых оппозиционеров.

Комментируя план 1938 года Н. Вознесенский выражает надежду, что, после уничтожения всех вредителей и даже «корешков вредительства», план будет осуществляться в благоприятных условиях.

Однако, четыре месяца 1938 года показали результаты еще худшие, чем в 1937 году. Лживость и порочность «вредительских теорий» ярко изобличается уже тем, что, чем больше и дольше ведут борьбу с «вредителями», тем хуже и меньше производится продукции.

Какова же действительная причина регрессивных явлений в советской индустрии? Причина лежит в бюрократическом планировании и управлении государственной индустрией, в неправильной и преступной общей и хозяйственной политике, в том, что действительное, неуклонное и все растущее вредительство осуществляется самым высшим органом власти, в том, что диктатура Сталина, защищая себя, систематически дезорганизует и индустрию, и сельское хозяйство, и транспорт, и оборону и все другие жизненные органы страны!

Интересно отметить, что советские экономисты, послушно повторяя обвинения во вредительстве «бешеных псов», «правых и левых предателей», пытаются, однако, найти причины прорывов и в методах руководства самим хозяйством.

Наряду со ссылками на вредительство, в статье Вознесенского имеются и указанния на действительные причины деградации индустрии.

«Бюрократический максимализм в планировании». «Распыление материальных средств». «Омертвление основного капитала». «Гигантомания». «Не освоение техники». «Диспропорция отраслей». «Дурная организация труда». Небрежное отношение к живым производителям».

Святая правда! Но хотя Вознесенский, наконец, в 1938 году приближается к той характеристике, которую мы уже много лет даем основным дефектам советской индустрии, его анализ звучит фальшиво, а его призывы к улучшению — беспомощны.

Потому что Вознесенские и Мендельсоны неспособны понять, что основная, решающая причина, причина всех причин — в разлагающем, дезорганизующем влиянии сталинской диктатуры!

основные средства производства и концентрации их в руках государства, исчезновения старых господствующих классов и возростающей социальной однородности громадного большинства населения, отсутствия резко начертанной социальной грани, отделяющей верхи советского общества от его низов, на другой? Разве самое наличие этих явлений столь противоположного порядка не говорит о незаконченности борьбы между двумя тенденциями завершения революции? И разве на «великой лжи», а не на вполне реальной роли, которую Советский Союз играет,—если угодно, опять-таки: еще играет, — в системе международных сил, покоится — не апологетическая демагогия заграничных агентов Сталина, а надежды, возлагаемые на него многомиллионными рабочими массами всех стран?

***

Что рабочие массы и революционно настроенная свободолюбивая интеллигенция Запада при этом склонны не замечать, а то и сознательно закрывать глаза на наличие двух антагонистичных тенденций в «реальной жизни» Советского Союза и потому рядить и сталинскую диктатуру в пролетарско социалистические одежды, — это бесспорно и, с точки зрения успехов социалистической борьбы, крайне вредно. Мы можем только приветствовать т. Цилигу, когда он убеждает тех иностранцев, которые «хотят эмансипации и действительного преобразования общества», искать опоры «не в правящем классе СССР, а в необозримых массах эксплуатируемых и угнетенных» (предисловие). Но такая, если можно так выразиться, ошибка односторонности во всяком случае не менее, а, быть может, и более опасна, когда ее делают с обратным знаком и окрашивают всю «реальную жизнь» Советского Союза в контр-революционные цвета сталинской бюрократии, выдавая тенденции этой бюрократии за окончательный итог всего советского периода русской революции.

Именно эту ошибку и делает т. Цилига. Он делит ее со многими из тех коммунистов, которых освобождение от иллюзий насчет завоеваний советской революции делает зачастую слепыми к этим завоеваниям в их подлинном, а не иллюзорном виде. Она именно увлекает его и к ложным теоретическим построениям, и к опасным тактическим выводам.

Принимая то, несомненно переходное, состояние, в котором находится сейчас Советский Союз за окончательную форму советского общества в результате пережитой им революции, т. Цилига ищет определения социальной природы этой, доселе нигде не виданной, ни буржуазной, ни пролетарской, ни капиталистической, ни социалистической общественной формации и не может разрешить этой теоретической проблемы иначе, как прибавив к двум «марксовским» общественным системам — капитализму и социализму — свою третью — государственный капитализм и к двум «марксовским» классам — буржуазии и пролетариата — свой собственный третий «класс» — бюрократию. Получается какая-то капиталистическая (хотя бы и гос-капиталистическая) система, в которой отсутствует основной признак капитализма — частная собственность на средства производства и в которой, опираясь на средства голого насилия, бюрократия становится классом-эксплуататором, бюрократ играет роль капиталиста, — не только термино-

В. АЛЕКСАНДРОВА.

На путях завершения революции

Каждый современник русской революции теоретически всегда, конечно, знал, что несмотря на весь свой социально-политический размах и эмоциональный накал, революция не может длиться вечно. Но он не знал и не мог предвидеть той психологической обстановки, в которой будет происходить ее завершение.

Механически перенося на революцию наблюдения, заимствованные из других областей, участники революции мыслили завершение ее в форме таинственного «спада», «затухания», «нисходящей линии развития». Они не знали главного: что процесс завершения вызовет к жизни новые энергии, если и не равные по силе тем, которые взорвали когда-то старый общественный порядок, то все-же столь же непреклонные в своем стремлении к утверждению.

Динамизм процесса завершения революции и есть то новое, что предстоит нам всем осознать. В серии чудовищных московских процессов против руководителей Октябрьской революции этот динамизм находит свое крайнее, предельное выражение. Чтобы постичь его природу и сущность, недостаточно анализировать эксцессы, надо изучать совокупность типичных явлений.

В порядке дня оффициального советского общества стоит сейчас одна центральная, всепоглощающая задача: пересмотр идеологии Октябрьской революции. Этот пересмотр составляет не только об'ект его «высоких дум», но и предмет каждодневных забот и усилий.

Могуч и безогляден в своем нищем дерзновении был порыв Октябрьской революции, рванувший с древних петель одну шестую часть земного шара. Вот почему так сложна и трудна задача «укрощения строптивой» теперь. На протяжении революции советское общество уже дважды вплотную подходило к задаче завершения революции и дважды носители этой идеи были отброшены, потерпев жестокое поражение.

Сейчас, когда мы присутствуем при третьей (и, повидимому, последней) попытке завершения, полезно вспомнить о некоторых существенных чертах двух предыдущих опытов.

Стихийными носителями идеи завершения революции во время Нэпа были широкие круги крепнувшего крестьянства и часть советской партийной и хозяйственной бюрократии. Художественная литература в лице основной массы писателей-попутчиков — несмотря на сопротивление оффициальной критики, стремившейся скрыть истинное положение вещей, — верно отобразила в свое время расстановку социальных сил в стране

По полотнам реалистического романа проходили перед читателем характерные фигуры хозяйственно-крепнущего крестьянства, жившие идеей: «как были мы допреж людьми, так и опять ими станем» (Тверяк «На отшибе», Коробов «Дема Баюнов»). Типичный представитель этого слоя крестьянства, Свакер у Федина, не только успешно забирает отобранную у него паровую мельницу, но делает это с согласия и чуть не благословения дружески к нему расположенного коммунистического начальства деревни («Трансвааль»). Беспокойный от сознания своей внутренней, неуемной силы, Николка Заварихин у Леонова («Вор») упрямо идет проторенной до него Рябушинскими и Мо-

---

логическая нелепость, но и совершенно нереальная социологическая конструкция!

К модному ныне и выдвинутому параллельным во многих отношениях опытом большевизма и фашизма вопросу о «госкапитализме», как особой, ни Марксом, ни марксистами «непредвиденной» общественной формации, придется, очевидно, еще вернуться. Здесь достаточно напомнить, что, если история знает систему экономической эксплуатации, основанной на голом насилии (завоевание, сопровождающееся наложением «дани»), то такая и однородные ей системы всегда были лишь этапом к переходу в том или ином виде титула собственности на основные средства производства в руки завоевателей или насильников, — переходу, в силу своей исторической прогрессивности, санкционируемому, в конце концов, общественным сознанием и становящемуся таким образом прочной основой новой системы эксплуатации и классового расслоения («по Марксу»!). Длительное существование такого рода переходных формаций тем менее возможно, чем больше сам человеческий аппарат насилия черпается из недр насилуемых и эксплуатируемых масс, а не является (по племени, языку, культуре и пр.) до поры, до времени совершенно чуждым им и извне сковывающим их железным обручем. Вот почему лишь историческим переходным этапом в борьбе двух, соответствующих уровню развития производительных сил нашей эпохи, общественных формаций — капитализма и социализма, а не самостоятельной общественной системой может быть фашизм, вынужденный опираться на армию всеобщей воинской повинности и на полицию и чиновничество, тысячью нитей связанные с населением. И вот почему еще меньше особой, «третьей» системой может быть не-капиталистический «гос-капитализм» бюрократии в стране, где население это, за социально-экономическим и физическим истреблением старых господствующих классов, состоит сплошь из трудящихся масс.

Надо сказать с полною ясностью: если в итоге революции окончательно утвердится диктатура бюрократии, то утверждение это будет означать не создание какой-то «третьей системы», а вступление Советского Союза на путь реставрации капитализма, т. е. частной собственности на средства производства, — конечно, капитализма не в его старых, либеральных формах, ныне отмирающих одинаково не только в фашистской Германии, но и в демократической Америке, а в тех формах, в которых капитализм только и может бороться за свое существование в нашу эпоху, т. е. в формах «гос-капитализма» — все усиливающегося вмешательства в ход экономической жизни государства, представляющего элементарные интересы самосохранения господствующих классов упадочного капиталистического общества и не останавливающегося перед подчинением этим общим интересам частных интересов отдельных членов или групп класса.

***

Идти по пути реставрации капиталистических отношений, т. е. все более широкого восстановления частной собственности на средства производства, бюрократическая диктатура будет вынуждена как стремлением не только закрепить за собою и своим потомством, но и приумножить «производительным» употреблением те материальные ценности и накопления, который и

розовыми дорожкой, вызывающе говоря о себе: «Буржуй-с. Только нынче буржуи без пузьев пойдут. Колоть-то будет не во что».

А рядом с этими, полными жизни и энергии деревенскими капиталистами и в ногу с ними шествовали первые отряды бодрых коммунистов-хозяйственников, сменивших «Азбуку коммунизма» на хозрасчет, успешно и с увлечением «учившихся торговать», презрительно третировавших своих вчерашних товарищей по гражданской войне, не выдержавших молниеносности «Поворота» от мечты к действительности, с ожесточением бросавших партийные билеты или — с воплем «За что боролись?» — пускавших себе пулю в лоб (Гладков, Либединский).

Все эти центральные фигуры эпохи нэпа подавались писателями на широком фоне огромной, проникнутой социальным оптимизмом мелкобуржуазной страны, многоголосо заявлявшей не только о праве жить по своему, но исподтишка как-бы дразнившей оффициальный коммунизм: «Таскать тебе, не перетаскать!» Ответ на основной вопрос нэповского периода «Кто кого?», казалось, был предрешен.

И тем не менее первая попытка завершения революции на основе победы товарного хозяйства в деревне, подготовлявшаяся в советском обществе союзом крестьянства и бюрократии, была политикой генеральной линии сорвана. Но сорвана она была вовсе не «левыми», не теми, кто мечтал об «углублении революции». В недрах нэповского общества образовался некий социальный сплав, заявились люди, сочетавшие «американскую деловитость» с самой радикальной фразеологией, к которым и перешло вскоре идеологическое руководство первой пятилеткой.

Вторая попытка завершения революции возникла в советском обществе при переходе ко второй пятилетке на более узкой социальной основе. Авторы ее — часть партийной и непартийной бюрократии —, зная о действительном положении страны, не рисковали искать партнеров среди трудящихся, хотя и были одушевлены самыми хорошими намерениями: они мечтали о спуске на тормазах. При этом они бессознательно учли опыт крушения первой попытки завершения и с самого начала остерегались лозунгов, которые могли бы прозвучать, как решительный поворот. Речь шла у них вовсе не о каком-то неонэпе. Наоборот: они всячески поддерживали во-вне идею незыблемости созданного первой пятилеткой экономического и социального базиса. Единственный лозунг этой бюрократии о «веселой и зажиточной жизни» вовсе не противоставлялся жертвенному героизму и аскетизму первой пятилетки, а обосновывался как логическое следствие «наших достижений». Сторонники идеи завершения революции, выходцы плебейской России, лелеяли мечту об осуществлении некоей социальной гармонии, к которой можно притти в рамках и на почве существующего режима (Иван Катаев «Победители», «Встреча», «Отчизна», Зарудин «В народном лесу» и др.). Это была попытка либерально-бюрократического завершения революции с замедлением темпов строительства, с увеличением личной заинтересованности колхозников в колхозе, с примирением и уравнением партийной и непартийной бюрократии. Новая конституция, казалось, предвещала успех задуманного плана.

Расстрел Бухарина-Рыкова означает одновременно и расстрел этой второй попытки завершения революции. Но история революций изобилует примерами того, как планы одной общественной группы, оказавшейся недостаточно сильной для их осуществления, подхватываются новыми силами, проводящими их в жизнь в своем (обычно ухудшенном) варианте. И в советской жизни и в литературе разбро-

---

сейчас находятся в ее распоряжении, так и необходимостью найти моральную санкцию своему привилегированному экономическому и социальному положению в более или менее широких слоях населения. Опираясь в чисто политическом смысле на те настроения усталости, разочарования, пассивности и жажды хоть какого-нибудь, да «порядка», которые всегда составляют психологическую базу контр-революции, она должна будет в плане социально-экономическом аппелировать к эгоистическим, индивидуалистическим и собственническим инстинктам, которые, по свидетельству самого Цилиги, в таком изобилии взростила «сталинская» эпоха даже в известных слоях рабочего класса, и, прежде всего, к той стороне души крестьянина, которая «смотрит назад к частному наделу, а не вперед, к свободно кооперированному хозяйству» («18 Брюмера»). Деревня и явится в этом случае главным резервуаром, из которого, зарождаясь в кустарных и мелких предприятиях и в торговле, частно-капиталистические отношения будут переливаться и в городскую торговлю и промышленность — в форме-ли соучастия в национализированных предприятиях, дающей возможность вложения не только иностранных капиталов, но и отечественных сбережений, в форме-ли вновь возникающих или денационализируемых предприятий мелкого и среднего калибра, в форме-ли, наконец, разнообразных видов финансирования.

Политическая победа бюрократических тенденций завершения революции будет неизбежно, в социально-экономическом разрезе, победой не какой-то «третьей» системы, а тенденций к реставрации капитализма, если не будет предотвращена победой демократических тенденций завершения революции, которые, в свою очередь, могут быть лишь победой тенденций социалистического развития. Победа этих последних тенденций в процессе борьбы за завершение революции, т. е. в рамках и на почве советского «существующего строя», и должна поэтому составлять основную проблему всякой пролетарско - социалистической стратегии. Но для т. Цилиги эта проблема попросту не существует, так как самое борьбу он, как мы видели, считает уже завершенной во вполне определенном, бюрократическом смысле: с старой, в 1917 году начавшейся революцией пролетариату делать уже нечего; ему остается лишь готовиться к революции новой, «не только политической, но и социальной».

Боюсь, что не без влияния на постановку такого диагноза и прогноза осталось и не преодоленное автором специфически - большевистское понимание «активности» пролетариата, как таких форм его самодеятельности, в которых он выступает, прежде всего, как физическая сила. Если прав Цилига, видя бюрократическое перерождение мысли Троцкого в том факте, что Троцкий никогда не говорит ни о стачках рабочих, ни о других видах борьбы рабочих масс против бюрократии (стр. 191-192), то можно с некоторым правом констатировать специфически - большевистский уклон его собственной мысли в том, что политическая активность пролетариата, к которой он аппелирует, рисуется ему не иначе, как в виде стачек и революций. Чем, как не этим уклоном, можно об'яснить, что в своей критике ленинизма он останавливается на полдороге, конструируя «двух» Лениных — одного доброго «освободительной

сано уже немало знаменательных обмолвок и намеков, позволяющих сделать вывод, что новые претенденты на роль завершителей работают не покладая рук.

Тут прежде всего надо констатировать, что все основные пожелания носителей идеи завершения революции на заре второй пятилетки не только не дискредитированы, но, наоборот, подняты сейчас на щит, включены в каждодневную пропаганду. С одной существенной особенностью: все, что выходцам плебейской страны было дорого, о чем они говорили с искренним волнением, сейчас отлито в обезличенный и шумливый штамп. Народ и его благо, родина и ее оборона — на каждой странице, в каждой строчке. Имеются уже (спрос всегда рождает предложение!) и целые «кадры писателей», целиком вложившихся в дело «пробуждения горячих патриотических чувств», «воспитывающие пламенную любовь к родине, готовность отстоять ее от посягательства врагов, готовность отдать всего себя, самую жизнь за родину».

Нельзя пренебрегать всей этой модной оборонно-патриотической шумихой. Вчитываясь в эту «продукцию», глубже начинаешь понимать причины, обусловившие крушение предыдущей попытки завершения. Авторы либерального варианта, интимно связанные с Октябрьской революцией, не могли, не хотели, боялись посягнуть на идеологию Октября как революции социалистической. Мобилизация общественного мнения, проводящаяся сейчас под флагом обороны родины, рвет с этими сентиментальными «предрассудками»: Октябрь должен быть пересмотрен и, чем больше будет выколочено из трофеев Октября прискучившей социалистической пыли, тем спокойнее будет жизнь завтра — это носится сейчас в воздухе и чем труднее осуществить эту «программу», тем изворотливее становятся носители этих идей.

Живой иллюстрацией этого пересмотра идеологии Октября в литературе является серия новейших произведений из эпохи гражданской войны. Общим до сих пор местом для литературы и публицистики было представление о том, что гражданская война, как война классов внутри общества, имела своей целью завершить разрушение старого государства. В этом смысле и характеризует ее В. Перцов в своей книге «Этюды о советской литературе». Но именно это кажется «абсолютно неприемлемым» казенным критикам сегодняшнего этапа: «Борьба за советскую республику была одновременно процессом формирования братства народов, населявших бывшую Россию, процессом формирования единого советского народа (подчеркнуто критиком), образовавшим затем великий Советский Союз, процессом роста национального могущества, национальной культуры, национального творчества, не только не исключающим, а, наоборот, предполагающим и укрепляющим интернационализм, лежащий в основе СССР (Альтман, «Литературная газета»).

Рассуждения Альтмана — отнюдь не плод лишь его досужей фантазии. Красной нитью через все новейшие рассказы из времен гражданской войны проходит идея, что народ сражался тогда «за милую родину» (см. Слюсарев «Записки секретаря Тополевского волисполкома», В. Кожевников «Моментальная фотография», Ал. Толстой «14 держав»). Правда, с началом Октябрьской революции прочно ассоциируется стихийная «демобилизация», бегство солдат с фронта. Но это обстоятельство сегодня воспринимается как темное пятно в биографии Октября, которое необходимо во чтобы то ни стало затушевать. Это пытается сделать недавно амнистированный Ю. Либединский («Дорога») и В. Катаев «Я сын трудового народа.

Еще отчетливее пересмотр идеологии Октября ска-

эпопеи 1917 года» и другого злого эпохи «упадка революции», соглашаясь критиковать «отрицательные черты ленинского режима», но отказываясь видеть последние корни «сталинизма» в тех представлениях о «соотношении между стихийностью и сознательностью» в рабочем движении, которые составляют самую суть «ленинизма», как особого течения в социализме? И кто, как не столь осмеянное в свое время Розою Люксембург «сознательное» большевистское «Я», об'являет «трупами» социалдемократию и коммунизм, т. е. те две реальных формы, в которых только и существует ныне живое движение рабочих масс, и отвергает их об'единение — очевидно, во имя еще не существующей, но заранее гордой своею «сознательностью» и «революционностью» новой организационной «системы»? (См. стр. 225-227, 237 и др.).

***

Недостаток места мешает мне подробнее коснуться этих и некоторых других сторон книги т. Цилиги. Я ограничился поэтому кратким анализом тех взглядов автора, которые самым непосредственным образом связаны с поднятыми мною за последние 2-3 года проблемами социалистической тактики в завершительный период революции. Я еще раз остановлюсь на этих проблемах в своем будущем ответе на печатаемую в этом номере полемическую статью т. Николаевского. Здесь же скажу снова и снова: опасная сторона той ошибки, которую делает т. Цилига и другие товарищи, так или иначе исходящие из представления, что борьбы антагонистичных тенденций завершения революции в Советском Союзе уже нет, что борьба эта уже окончательно решена победой бюрократически - диктаторской тенденции, — опасная сторона этой ошибки заключается, прежде всего, в том, что она, под предлогом отсутствия об'екта борьбы, демобилизует пролетариат как раз тогда, когда надо делать все для его мобилизации, толкает его сегодня к пассивности во имя завтрашней революционной и «тоталитарной» («не только политическая, но и социальная!») активности и таким образом на деле подготовляет его к «приятию» завершения революции в порядке борьбы бюрократических клик, т. е. порядке, при котором, по справедливому замечанию самого т. Цилиги, «кто бы ни оказался победителем, социальный удельный вес масс окажется умаленным» (стр. 39).

Вот почему необходимо снова и снова указывать на эту ошибку. Источник ее — и у т. Цилиги, и у других товарищей, которые ее делают, — заключается в том, что, прекрасно видя бюрократически капиталистическую ложь сталинской, завершительной фазы советской революции, они за этою ложью не замечают той демократически - социалистической правды, которая непрерывно рождается и из всего хода революции, и из ее достижений, и из самого характера эпохи и утверждается — сегодня в чувствах и сознании, а завтра, быть может, и в действии трудящихся масс. Источник ее — да простится мне столь немодное и даже зачастую столь презираемое ныне марксистское выражение! — в не-диалектичности того метода, которым они анализируют и советскую действительность, и возникающие из этой действительности проблемы пролетарской стратегии и тактики.

зывается в пафосе национальной революции, пропагандируемом А. Толстым в «Петре I». В недавно опубликованной 3-й редакции пьесы «Петр I» даже конфликт Петра с Алексеем трактуется лишь как столкновение национальной революции с государственной изменой. «Как табун коней в некоем поле, окружены мы хищными зверями», говорит Петр: «Сын мой Алексей готовился предать отечество и к тому были у него сообщники. Он подлежит суду. Сам я не берусь лечить сию смертельную болезнь. Вручаю Алексея Петровича вам, господа сенат». И сенат, состоящий из тайных сторонников Алексея, единогласно выносит ему смертный приговор... Очень знаменателен отзыв официальной критики на пьесу: Толстому удалось «умно и исторически верно решить одну из самых трагических коллизий драмы, тему Петра и Алексея. Толстой мастерски изображает Алексея — этого хищного и лицемерного ставленника реакционеров, готового расторговать родиной по частям... Обвиняя предателя-сына перед сенатом, Петр связывает его преступные планы с коварными замыслами врагов России и русского народа» (Дымшиц, «Литературная газета»). Нетрудно в «исторической» пьесе Толстого услышать отзвуки современности, как ее хотели бы видеть претенденты на завершение революции.

В художественной литературе имеется один ранний, но яркий портрет сегодняшних героев. Речь идет о повести Рыкачева «Величие и падение Андрея Полозова», написанной в 1931 году. Полозову тогда было 24 года, он только на десяток лет старше революции, «но он презирает ее за молодость, за бедность, за бескорыстие, за узость взглядов». При всем том он расценивает революцию, «как отличную житейскую школу для молодого человека его лет, способностей и стремлений, как превосходную тренировку для ума и воли, которым во всю ширь суждено развернуться „в иных об'ективных условиях"»... Но Андрей Полозов вовсе не живет мечтами о гибели революции: «Напротив, он желает ей долголетия и процветания, он готов жить и процветать вместе с нею. Он согласен даже принять на свои молодые плечи часть несомой ею тяжкой ноши, разделить ее горести и тревоги... Он не согласен только умереть вместе с нею или за нее».

Сейчас Полозовы полны оптимизма.

П. ГАРВИ.

Агрессоры и капитулянты

Никто, разумеется, не питал преувеличенных надежд на способность Лиги Наций, покинутой агрессорами и руководимой капитулянтами, сыграть роль последней плотины, сдерживающей напор вновь разбуженной стихии войны. И все же майская сессия Совета, в порядке дня которой стояли острейшие вопросы — эфиопский, китайский, испанский —, нанесла престижу Лиги Наций и делу мира жестокий удар.

Из организации коллективной безопасности Лига Наций превращается усилиями консервативной Англии и попустительством влекомой на аркане «сердечного согласия» Франции, в регистратора «совершившихся фактов», в архив нарушенных договоров, в похоронное бюро для своих членов, сделавшихся жертвами агрессии. Вместо того, чтобы в противовес военно-опасной «оси» Рим-Берлин-Токио сделать из Лиги Наций, покинутой агрессорами,, стальное кольцо заинтересованных в сохранении мира держав, капитулянтская политика Англии и Франции разваливает женевский круг народов, толкая средние и малые державы то на утопический путь поисков спасения в бумажных гарантиях нейтралитета, то на «реалистический» путь вассального подчинения новым хозяевам Европы. Тем более оснований у трудящихся масс всего мира не дать своим командующим классам и реакционным правительствам окончательно «угробить» Лигу Наций, а, наоборот, — добиваться ее сохранения, укрепления и активизации, как организации коллективной безопасности, как блюстительницы международного права и как инстанции для мирной ревизии договоров.

Майская сессия Совета молча прошла мимо захвата Австрии Третьим Рейхом. Вернее, она сделала вид, что даже не заметила факта исчезновения с карты Европы государства, состоявшего ее членом и находившегося долгие годы под ее финансовой опекой. Единственным, косвенным правда, последствием моторизированного «аншлусса» Австрии было возвращение Швейцарии к полному нейтралитету, санкционированное Советом с оговоркой в принятой резолюции о том, что Швейцария находится в исключительном положении и что швейцарский нейтралитет не может стать прецедентом.

Расчетливые швейцарцы надеются сочетать верность «идее» Лиги Наций с чисто номинальным участием в ней, реальную капитуляцию перед нависшей над ними итало-германской «осью» с сохранением материальных выгод от пребывания Лиги Наций на территории Швейцарии. Но это расчетливость лавочников: не нейтралитет («клочек бумаги») может спасти Швейцарию, две трети населения которой состоит из немцев и раздел которой входит поэтому в гитлеровскую программу «собирания всех немецких земель и племен под крышу Третьего Рейха»! В оправдание близорукой расчетливости мелких швейцарских лавочников от политики надо лишь сказать, что на бегство в нейтралитет их толкнула политика консервативного правительства Англии, пропитанная расчетливостью крупных лавочников Бирмингама и лондонского Сити...

В китайском вопросе Совет сохранил еще видимость достоинства, — благо, дальневосточный отрезок «оси» как бы на отлете. «Для спасения приличий», по выражению Достоевского, он принял резолюцию, в которой Китаю выражается платоническое «сочувствие» его героической борьбе за независимость и за территориальную неприкосновенность и подтверждается, что употребление ядовитых газов противоречит международному праву и осуждается всем цивилизованным миром. Сверх того всем членам Л. Н. предлагается «внимательно и благожелательно» обсудить возможные требования со стороны китайского правительства.

При редактировании этой резолюции не были приняты во внимание ни пожелание советской делегации о том, чтобы резолюция была более конкретной, ни настояния китайской делегации о том, чтобы Китаю была оказана финансовая и материальная помощь по доставке оружия. Англия, имеющая на Дальнем Востоке, как и во всей Азии, крупные интересы, которым угро-

жает японская агрессия в Китае, ищет, повидимому, и там путей для «джентльменского соглашения» с агрессором за счет его жертвы, выжидая, однако, момента, когда японские армии основательно завязнут в китайских равнинах и японская дипломатия станет сговорчивей...

Но в вопросах эфиопском и испанском Англии было не до «спасения приличий». Она была связана англо-итальянским соглашением от 16 апреля.

В отдельных частях это соглашение могло бы приобрести известное положительное значение, сократив плоскость трений между двумя государствами в бассейне Средиземного и Красного морей. Но сущность соглашения не в этих частностях, а в связывании эфиопской проблемы с испанской, иначе говоря, колониальной с европейской. Ограждение английских интересов в западной части Средиземного моря (гибралтарский «ключ») покупается ценой признания Англией итальянского захвата Абиссинии не только де-факто, но и деюре. Италия отказывается (за себя, но не за Германию!) от всяких территориальных, политических или экономических видов на Испанию, но только после победы Франко она обязуется увести оттуда войска и снаряжение.

Вступление в силу соглашения от 16 апреля обусловлено уводом войск и снаряжения из Испании, но это «предварительное условие» признания итальянского захвата Абиссинии оказывается на поверку косвенным согласием Англии на оставление итальянских войск в Испании до победы Франко, ибо Муссолини не скрыл, что «окончание гражданской войны в Испании» для фашистской Италии мыслимо и допустимо лишь, как победа Франко над республиканцами.

Этот отвратительный торг кровью испанских республиканцев вызвал бурю протеста в рабочих, либеральных и частью даже консервативных кругах Англии. Но Чемберлен и Галифакс невозмутимо проводили в Женеве политику «джентльменского соглашения», в которую входил и некоторый аванс Италии — в виде обязательства Англии убрать из Лиги Наций «живой труп» Эфиопии и тем облегчить признание правомерности итальянского господства над Абиссинией. Три года назад Англия мобилизовала 52 государства Лиги Наций для борьбы с итальянской агрессией в Абиссинии. Теперь она взяла на себя инициативу добиться от Лиги Наций санкции захвата вместо санкций против захвата.

Чемберлену и Галифаксу не вполне удалось выполнить заказ Муссолини. Формально Эфиопия не вычеркнута из списка членов Лиги Наций. Практически каждому государству предоставляется полная свобода в определении своего отношения к новому положению в Эфиопии. Возможно, что представленные негусом сведения о продолжающейся в Эфиопии партизанской войне за независимость, заставляющей итальянцев держаться лишь в нескольких центрах страны, повлияли на Совет и помешали немедленному оформлению «совершившегося факта» решением в духе английской «тезы».

Но если капитуляция в абиссинском вопросе в значительной мере относилась к прошлому и имела поэтому лишь принципиальное значение, то капитуляция Совета в испанском вопросе граничила с соучастием в преступлении, совершающемся на глазах Лиги Наций, членом которой состоит Испания.

Делегат республиканской Испании дель Вайо не требовал вмешательства в пользу законного правительства против мятежников и интервентов, он настаивал только на соблюдении норм международного права, нарушенных односторонней блокадой республики. Он привел неопровержимые доказательства растущего вмешательства Италии и Германии на стороне мятежников. Он указал на полный провал политики «невмешательства» и напомнил о прежнем решении Лиги Наций пересмотреть наново этот вопрос, если «в скором времени» не будет достигнуто отозвание иностранных волонтеров. В предложенной дель Вайо резолюции содержалось повторное требование отозвания иностранных войск из Испании и предложение положить конец политике «невмешательства».

Большинством 4 против 2 при 9 воздержавшихся проект дель Вайо был отклонен. За принятие резолюции было подано всего два голоса — Испании и Сов. России, против резолюции голосовали Англия, Франция, Румыния и Польша. Среди воздержавшихся — Китай, Швеция, Бельгия и один из доминионов — Новая Зеландия.

Эта «победа» Англии, за которой последовала Франция, терроризированная опасением отрыва от своего «гаранта», была величайшим поражением Лиги Наций, не решившейся даже подтвердить свои прежние решения по испанскому вопросу *).

* * *

Лондонский кабинет добросовестно выполнил свои предварительные обязательства по джентльменскому соглашению от 16 апреля притом не только в Женеве, но и в Париже, побудив французское правительство последовать примеру Англии и вступить на путь переговоров о заключении двустороннего договора с фашистской Италией.

Но победители не знают благодарности. Речь Муссолини на параде итальянского флота в Генуе прозвучала не как труба мира, а как фанфара войны. Италия, сказал Муссолини, остается верна «оси» Рим-Берлин. Она не собирается препятствовать «неизбежному эпилогу национальной революции» (это означает, что она примирилась с аннексией Австрии и не собирается чинить препятствий «национальному освобождению» судетских немцев в Чехословакии). Но и то, что сделано самой Италией, заявил дуче, представляет собой лишь «этап», ибо «на нашем историческом пути мы остановиться не можем — кто останавливается, тот погиб». Если так наз. великие демократии будут готовится к идеологической войне, то в этом случае «тоталитарные государства немедленно образуют блок и пойдут до конца». В частности, с французской демократией трудно будет, по мнению Муссолини, придти к соглашению, «так как в одном чрезвычайно актуальном вопросе, в вопросе об Испании, мы находимся по разные стороны баррикады: они хотят победы Барселоны, мы хотим победы Франко».

Каков смысл этой речи? Отметим одно заявление Муссолини, которое представляет собою попытку ложным алиби оправдать агрессивную политику фашизма, переложив ответственность на великие демократии Европы и Сев. Америки. Не несуществующий идеологический блок демократий заставляет тоталитарные государства образовать «блок», чтобы «идти до конца», а, наоборот, — энергично действующий «анти-комму-

---

*) Джентльменское соглашение между Лондоном и Римом было построено на уверенности в скорой победе Франко, особенно после его прорыва к морю. Но героическое сопротивление республиканцев перечеркнуло эти расчеты. И вот английское правительство, в угоду Муссолини, гальванизирует труп лондонского комитета о невмешательстве и вытаскивает из пыли свой прект отозвания волонтеров из Испании, — все затем, чтобы заставить Францию снова герметически закрыть пиренейскую границу, через которую в последнее время просачивалось оружие для республиканской Испании. Еще один шаг на пути капитулянтства перед агрессорами.

нистический» блок тоталитарных государств, сиречь, агрессоров, ставит перед великими и малыми демократиями повелительную задачу сплочения, чтобы попытаться сдержать агрессоров и предупредить войну.

Но Муссолини сам вскрывает фальшь своей «оборонительной» аргументации, когда говорит об испанской «баррикаде». Верно, что все тоталитарные фашистские и полуфашистские государства в испанском вопросе находятся по одну, по правую, сторону баррикады, причем Италия и Германия реально, с оружием в руках. К несчастью, неверно, будто все великие демократии находятся по другую, по левую, сторону испанской баррикады: в известном смысле, по «идеологическому» признаку социальных притяженинй и отталкиваний, испанская «баррикада» разделяет каждую из великих и малых демократий на два лагеря. Это и помогает фашистской «оси» вонзаться в тело каждой из демократий, ослаблять изнутри их волю к отпору, мешать их об'единению на принципе коллективной безопасности.

***

Речь Муссолини звучит «гордо», но, по существу, это высокомерие худородного удельного князя, добывшего в ханской ставке ярлык на великое княжение. Ханская ставка Европы находится сейчас в Берхтесгадене. Захватив Абиссинию, Италия возвела себя в ранг империи, но заплатит за это высокое звание подчинением ханской ставке.

Муссолини все еще пытается играть «на два табло», но вынужден равняться по Германии. Похоже на то, что и в Испании он таскает каштаны из огня для Гитлера. Во всяком случае, в Центральной Европе он вынужден снова посторониться, чтобы «не препятствовать неизбежному эпилогу национальной революции», т. е. продвижению пангерманизма в дунайском бассейне и на Балканах с «дальним прицелом» на Багдад.

***

Это обстоятельство до крайности осложняет положение Чехословакии. Гитлер рассматривает аннексию Австрии не как эпилог, а как пролог «национальной революции». Очередь как раз за Чехословакией. Механизм «национального освобождения» пущен в ход. «Вождь» судетских немцев, Генлейн держит себя проконсулом Гитлера: ездит за директивами в Берлин, совершает дипломатическую поездку в Лондон, ведет — как держава с державой — переговоры с Прагой.

Конечно, Чехословакия не Австрия. Она не столько полагается на парализованную Женеву, сколько на военные союзы с Францией и с Советским Союзом. Разбить эти реальные опоры чехословацкой независимости — такова первая задача Гитлера. Он готов на компромисс, — если Прага порвет с Москвой. Он готов на компромисс, — если Англия «образумит» Францию. Он готов на компромисс, — если Прага даст судетским немцам такую «автономию», которая превратит эту часть Чехословакии на первый случай во второй Данциг, а остальную часть в послушного «спутника» Третьего Рейха.

Когда мы дописывали эти строки, весь мир был охвачен тревогой. На Дальнем Востоке отношения между Японией и Советским Союзом приняли в связи с Китаем до крайности напряженный характер. Италия перебросила из Ливии к границам французского Туниса две дивизии, чтобы этой военной демонстрацией оказать давление на Францию в испанском вопросе. Но наиболее невральгический пункт это Чехословакия, где в связи с муниципальными выборами 22 мая ожидалось повторение Германией «прыжка пантеры» наподобие нападения 11 марта на Австрию. На границах Чехословакии начались подозрительные передвижения немецких войск. Чехословакия, формально для охраны порядка на выборах, на деле в виду непосредственной опасности вторжения немецких войск, произвела частичную мобилизацию.

Взрыв казался неизбежным. Он был на этот раз предотвращен соединенными усилиями Англии и Франции. В последнюю минуту английское правительство не решилось повторить роковую ошибку 1914 г. и в ряде настойчивых представлений в Берлине дало понять, что не останется безучастным в случае нападения на Чехословакию. Решительный тон подействовал на агрессора. Но 82 процента голосов, полученных в немецких округах Чехословакии партией Генлейна, могут вызвать у Гитлера новый прилив решимости «идти до конца».

Положенине остается военно-опасным. В этот час грозной опасности в Осло раздается в защиту мира твердый голос профсоюзного Интернационала, об'единяющего 20 миллионов трудящихся. Как одно из средств укрощения агрессоров он выдвигает находящееся в руках пролетариев оружие бойкота. Не будучи панацеей, это оружие может в известных условиях стать действительным, но лишь в сочетании с твердой политикой правительств демократических стран, направленной на сохранение мира методом коллективной безопасности. К давлению на свои правительства в этом направлении давно уже призывают оба Интернационала — Профсоюзный и Социалистический.

Военная гроза вплотную надвигается на Европу — и на Россию. Но голос России, этого «блока» в 170 миллионов, звучит слабо и, в сущности, одиноко. Если-б Советский Союз не переживал ужасающего внутреннего разложения, если-б советский народ нашел в себе волю преодолеть гибельную сталинскую диктатуру, если-б Россия вступила на путь подлинной демократии, — как быстро нашли бы пролетарии России и Запада общий язык, как усилилась бы позиция международного пролетариата в борьбе с фашизмом за мир, и как выросло бы значение России, как великой демократии, на арене мировой политики, облегчив создание стального кольца демократий вокруг военноопасной «оси» фашистских стран! Вот о чем можно мечтать и за что надо бороться.

Димитров против Сталина-Ежова ?

Как известно, на так называемом «процессе» Бухарина-Радека сталинско-ежовские молодцы заставили своего бывшего Наркомзема Чернова, мною никогда в жизни в глаза не виденного, «признаться», что в 1928 году он, через мое посредство, вступил в сношения с германской контр-разведкой.

Весь международно - социалистический мир с заслуженным презрением отнесся к этой гнусной клевете. Но в числе мотивов расстрела несчастного Чернова так называемый «приговор» упоминает и его мнимую связь со мною, и заграничные подголоски сталинско-ежовских молодцов не без усердия взялись за разработку темы обо мне, как «агенте германской контр-разведки» и «шпионе», на столбцах коммунистической печати разных стран. И вдруг в майском воззвании Коминтерна, обличающем, как полагается, «троцкистско - бухаринских агентов фашизма», я читаю («Пр.», 30 апр.):

«Это их, гнусных шпионов, диверсантов и убийц, Ситрины и Даны берут под свою защиту и делают их знаменем для продолжения своей губительной политики раскола».

Таким образом, Димитров, генеральный секретарь

Коминтерна, неожиданно изымает меня из компании «гнусных шпионов». Он обвиняет меня лишь в том, что я, не будучи сам «агентом фашизма», беру (вместе с т. Ситрином!) означенных агентов «под защиту», да еще в том, что я (опять-таки вместе с т. Ситрином, председателем той Международной Федерации Профессиональных Союзов, с которою советский ВЦСПС ведет переговоры об об'единении) продолжаю «губительную политику раскола», между тем как коммунисты желают, очевидно, со мной и представляемой мною партией... единства!

Я не буду останавливаться на новых обвинениях, выдвигаемых против меня майским воззванием Коминтерна. Но всякий видит, что они бьют в лицо, прямо-таки отметают те обвинения, которые были выдвинуты против меня и «доказаны» на так называемом процессе Бухарина-Рыкова: Димитров решительно «отмежевывается» от Сталина-Ежова и от их советских и коминтернских подручных. Чудеса!

Когда по всему миру неслась хвала прославившему Димитрова героическому поведению его на Лейпцигском процессе о поджоге рейхстага, я, признаться, думал про себя, что это, бесспорно героическое поведение вряд-ли требовало особого героизма в условиях, когда самые крупные политические и юридические силы мира были мобилизованы на защиту подсудимого, когда гитлеровская диктатура не успела еще довести «тоталитарность» своего судопроизводства до московского совершенства и оставляла еще возможность оправдания главной фигуры процесса и когда — это самое главное! — за спиной героя стояло правительство шестой части земного шара, располагавшее достаточным числом достаточно видных «заложников» для обмена!

Героическое поведение без подлинного внутреннего героизма — это «особое мнение» мое о Димитрове находило как будто все большее подкрепление в его дальнейшем, уже бесспорно не героическом, а — скажу жесткое слово прямо! — хамском и подловатом поведении по отношению к тем вчерашним своим друзьям, которые выводились на суд в условиях, требовавших для героического поведения совсем иного калибра героизма, чем лейпцигский героизм Димитрова, и которые, опозоренные и клеветой и собственной капитуляцией перед палачами, расстреливались, как «бешеные собаки».

Эта хамская подловатость в полной силе сказалась и в цитируемом майском воззвании Коминтерна, в его гнусных и клеветнических выпадах по адресу «троцкистско-бухаринских агентов фашизма» (о «политической» клевете по адресу т. Ситрина я здесь не говорю). Тем с большей признательностью и с тем большим восхищением будут, конечно, отмечены те черты — на этот раз подлинного героизма, которые обнаруживает генеральный секретарь Коминтерна, выступая на мою защиту и ставя клеймо клеветника на лбы сталинско-ежовских молодцов.

Или это — не героизм, а просто неловкая и глупая обмолвка? Тогда надо впредь поаккуратнее писать воззвания, товарищ Димитров! **Ф. Д.**

ПАРТИЙНАЯ ТРИБУНА

О ЛОЗУНГЕ «БОРЬБА ЗА ЛЕГАЛЬНОСТЬ» И О ЛОЗУНГАХ ВООБЩЕ.

Новый период ее истории, в который Россия вступила, перешагнув через трупы Каменева, Пятакова, Рыкова, Бухарина и многих других пионеров и вождей старого большевизма, так существенно отличается от всех остальных, пройденных ею за десятилетия большевистской диктатуры (хотя по существу и является всего только логически последовательным их завершением), что вполне закономерно желание наново, в применении к создавшейся новой обстановке пересмотреть основные вопросы программы и тактики российской социалдемократии. С этой точки зрения можно только приветствовать почин т. Дана, который в двух последних номерах «С. В.» изложил свои взгляды на две основные, стоящие перед нами, проблемы — проблему борьбы за мир, с одной стороны, и проблему борьбы за демократизацию Советского Союза, с другой. К сожалению, этот привет относится только к инициативе постановки вопросов на обсуждение: с существом высказываемых т. Даном взглядов согласиться очень трудно — даже труднее, чем в предшествовавший период «генеральной линии».

Свою статью о задачах соц.-демократии в деле борьбы за демократизацию т. Дан озаглавил: «Борьба за легальность». Этот заголовок точно передает основную идею рекомендуемой т. Даном тактической линии: по его мнению, «борьба за легальность» независимого от большевистской диктатуры рабочего движения должна стать в наше время определяющей идеей всей тактики российской социалдемокрации.

И этот лозунг, и даже подобный заголовок для т. Дана не являются новинкой: именно так озаглавил он свою статью, напечатанную 28 лет тому назад, и выдвигавшую этот же лозунг для той эпохи, — эпохи 3-й Гос. Думы. Эту свою старую статью он теперь настойчиво напоминает читателям, утверждая, что теперь, как и тогда, этот лозунг «всей исторической обстановкой» выдвигается в качестве «самой основной революционной задачи рабочего класса в современной России».

Таким образом в основе всех тактических построений тов. Дана как будто бы лежит параллель между обстановкой 1910 и 1938 г. и определяемой этой обстановкой соц.-дем. тактикой. Мы говорим «как будто», ибо настоящей параллели т. Дан не дает. Он все время опирается на свою старую статью, обильно цитирует ее, стараясь свою теперешнюю аргументацию вкладывать в старые формулировки, т. е. поступает так, как марксист может поступать только тогда, когда он уже доказал возможность подобной параллели аргументами по существу. И в то же самое время он не только не приводит подобного рода аргументов по существу, но и в изобилии приводит всякого рода ограничительные замечания, доказывающие, как трудна подобная параллель.

А между тем, поскольку т. Дан свои теперешние выводы хочет в той или иной мере подкрепить опытом прошлого, — а вся его статья построена именно так, — постольку вопрос о существовании общих черт между эпохой 3-й Гос. Думы и нашими днями является основным. Тов. Дан пытается внушить читателю, что его аргументация в защиту лозунга «борьба за легальность» исходит из «элементарных истин марксистской методологии», и авансом упрекает своих противников в забвении этих истин. На деле, если кого и следует упрекать в забвении такого рода истин, то это именно автора статьи «Борьба за легальность». Если имеется какая-либо общая для всех возможных случаев «элементарная истина марксистской методологии» для постановки и решения вопросов тактического порядка, то только одна: нет «истины» общей для всех случаев и ситуаций. Для с.-д. на всех этапах движения общими остаются только конечные цели движения; а все остальное — и ближайшие цели, и политические лозунги, и тактические задания — являются величинами переменными, конкретное содержание которых, при наличии неизменного постоянного (конечная цель), определяется конкретным же содержанием ряда определяющих переменных величин: конкретной политической обстановкой, слабыми местами противника, настроениями возможных союзников, психологией самих рабочих масс и т. д. Только учитывая все эти факторы, только комбинируя все конкретно существующие условия можно построить правильную политическую стратагему и наметить правильные политические лозунги. Это в полной мере относится к лозунгу: «борьба за легальность». Этот последний не только не может быть отнесен к категории конечной цели (об этом, конечно, не может быть и споров), — но он вообще отнюдь не относится к группе тактических лозунгов, освященных долголетней практикой движения и проверенных на опыте многочисленных схваток прошлого. Если не ошибаемся, во всей истории международного рабочего движения онъ был выдвинут всего только один раз, — в период так называемого «ликвидаторства», — и кто хочет его повторять, тот должен не ссылаться на несу-

ществующие «элементарные истины марксистской методологии», а проанализировать конкретную обстановку опыта выдвигания этого лозунга в прошлом, установить наличие сходных черт в обстановке современной и конкретными примерами показать его применимость и действенность для этой последней.

Тов. Дан, повторяем, ничего этого не сделал. Попытаемся же проделать эту работу за него.

В 1910 г. российская социалдемократия в своих тактических построениях могла исходить из вполне конкретных реально тогда существовавших **фактов:** несмотря на все скорпионы правительственных репрессий, рабочее движение цепко держалось за свои позиции на легальной арене. Правительство, зависевшее в известных пределах от имущих слоёв страны, не хотело и не могло целиком уничтожить рабочие организации. Оно обрушивалось на них градом репрессий, — арестовывало активных деятелей этих организаций, запрещало устройство открытых собраний, преследовало рабочую печать, закрывало союзы. Но в известных пределах оно было вынуждено их терпеть. Это создавало базу для борьбы, — и эта борьба действительно велась, — борьба рабочих организаций за право открытого существованиня.

Есть ли в современной действительности хотя бы намеки на подобные факты? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы получить ответ: независимого рабочего движения, независимых рабочих организаций, которые хотя бы в отдаленной степени могли быть поставлены на одну доску с организациями 1910 г., в современной России не существует.

Тов. Дан от прямой констатации этого факта уклоняется, — но косвенно он его признает, когда центр тяжести своих рассуждений с вопроса о существовании или несуществовании в настоящее время подобного рода фактов переносит в область соображений о **возможности** их возникновения. Это, конечно, совершенно иной вопросъ, — но и здесь аргументация тов. Дана отнюдь не отличается убедительностью. Единственный аргумент в пользу возможности появления подобного рода фактов тов. Дан видит в том противоречии, которое существует между словами и делами правительства Сталина — между разговорами о «самой демократической в мире» конституции и практикой беспощадного уничтожения всех инакомыслящих. Это противоречие, конечно, существует в действительности, и является ярким аргументом в агитации против режима диктатуры. Но факт существования противоречия в области идеологии сам по себе еще не создает посылок его использования в качестве «зацепки» для развертывания движения. Использовать его для агитации можно и нужно, но что-либо строить на нем одном невозможно. И если нужны тому примеры, то опыт 20-летнего существования большевистской диктатуры дает их более, чем достаточно: указанное противоречие между словами и делами, хотя и в различной степени, но неизменно существует на всем протяжении этих десятилетий, а возможности использовать его социалдемократия не нашла, и, конечно, не по отсутствию у нее желания. Использовать для организационных целей, а не для целей агитации, можно только те противоречия и те «политические двусмысленности», которые вносят не логическое противоречие в идеологию, а реальное противоречие в политическую практику правящих классов и групп. Противоречие последнего рода существовало в эпоху, когда т. Дан писал свою статью о «борьбе за легальность» № 1, — даже намека на него не существует теперь, когда т. Дан делает попытку вынуть из архива этот свой старый лозунг.

В качестве последнего, по его мнению самого убедительного, аргумента т. Дан пускает в ход довод от противного. Он признает всю важность вопроса относительно существования в современной действительности реальных «зацепок» для развития движения. «**Весь** вопрос, — пишет он, — заключается в том, имеются ли в современной советской действительности те «зацепки», за которые могут «ухватиться» трудящиеся массы, чтобы начать самостоятельную борьбу хотя бы за самые элементарные интересы». Но вместо того, чтобы изучать действительность, он прибегает к приему, который об'ективно является ничем иным, как попыткой запугать тех, кто приходит к противоположному выводу: если таких «зацепок» в действительности не имеется, то это, по мнению т. Дана, означает, что «дело демократически-революционной ликвидации сталинской диктатуры безнадежно, что победа контр-революции предрешена» и т. д. Построения этого рода могут быть верны или неверны, это вопрос совершенно иного порядка, но к существу спора они отношения не имеют: задача марксиста прежде всего состоит в том, чтобы беспристрастно и бесстрастно установить факт, каков бы он ни был. Марксизм в прошлом выделялся именно своим умением смотреть в глаза действительности, не пугаясь последней, как бы сурова и неприглядна она ни была. И именно это бесстрашие в области изучения фактов делало его особенно сильным в области выводов, ибо тот, кто пугается фактов, никогда не сможет сделать правильного вывода. А т. Дан именно на этот последний путь и становится. Допустим, на самом деле, что указанная т. Даном зависимость между фактом существованія или несуществования в советской действительности «зацепок» для легального рабочего движения и его выводом о неизбежности контр-революции верна (мы этого отнюдь не думаем). Так как этих «зацепок» все же в действительности не имеется, — т. Дан, повторяем, ни одного соображения в пользу их существования не привел, — то это значит, что «победа контр-революции», по мнению т. Дана, предрешена. Этот вывод весьма неприятен для нас всех, но каким образом он может повлиять на нашу оценку обстановки? От того, что мы, пугаясь вывода, будем закрывать глаза на действительность, последняя не станет более благоприятной. «Контр-революция» все равно придет, с тою только разницей, что последователей т. Дана она застанет менее подготовленными к борьбе с нею: ибо тот, кто боится смотреть в лицо фактам, неизбежно понижает свою собственную способность к борьбе против реально существующей опасности.

Подведем итог: несомненно, что в советской действительности нет в настоящее время и намека на существование независимого от власти рабочего движения; несомненно, далее, что т. Дан не привел мало-мальски убедительных доказательств даже в пользу своей тезы о существовании «зацепок», делающих возникновение такого движения возможным. На чем же основана возможность параллели между тактикой 1910 г. и тактикой наших дней? Основная сила лозунга тов. Дана в то время была в том, что этот лозунг опирался на реально существовавшее движение. Тов. Дан не случайно тогда налегал на то, что «борьба за легальность» **уже** существует, что она «исторический факт, к которому **уже** подведено русское рабочее движение всем ходом своего развития». В наше время, когда таких фактов не существует, этот лозунг опирается исключительно на суб'ективные оценки тов. Дана, на его не связанные с практикой рабочего движения пожелания.

В этих условиях лозунг: «борьба за легальность» теряет то основное, что было в нем **положительного** в 1910 г., но полностью сохраняет все, что в нем было тогда **отрицательного.** А такого отрицательного в нем было немало, и об этом пора говорить со всею определенностью. Можно и даже нужно любить и ценить прошлое той партии, под знаменами которой вел борьбу в прошлом и хочешь ее вести в будущем. Особенно важно это подчеркивать в периоды, когда партия переживает такие тяжелые времена, как переживаемые теперь нами. Но никогда, ни при каких условиях эту любовь и уважение к партийному прошлому не следует превращать в слепое, некритическое преклонение перед каждым шагом, сделанным партией в прошлом. Надо помнить: шаги бывали и ошибочные, статьи писались и неудачные. Любя прошлое, надо уметь критически изучать его, для того чтобы в будущем не повторять сделанных в прошлом ошибок, даже если нас приучили эти ошибки называть «традиционной меньшевистской политической методологией». Поменьше слепой «верности», — побольше смелой критики.

Подчеркивать эту сторону особенно необходимо, когда речь заходит об извлечении политических уроков из опыта эпохи так наз. «ликвидаторства». Я менее всего собираюсь оспаривать, что в движении того периода имелся целый ряд положительных сторон. Несомненно, в те годы происходило освобождение русского рабочего движения от ряда черт, которые мертвым грузом висели на нем от эпохи подпольной кружковщины. Несомненно также, что под знаменами «ликвидаторства» проходило формирование кадров рабочей интеллигенции, которая по своему культурному и моральному уровню, — после опыта долгих лет эмиграции мы можем это сказать, — стояла выше рабочей интеллигенции любой партии Запада. Все это несомненно, но это не меняет основного: то была эпоха, когда меньшевизм потерпел жестокое поражение в борьбе за политическое влияние внутри рабочего класса. И это поражение для нас тем более поучительно, что оно отнюдь не вызывалось **об'ективной** обстановкой эпохи. Наоборот, во всем основном рабочее движение той эпохи шло по пути, намеченному тактическими построениями меньшевизма. Полный разгром потерпела проповедь бойкота Гос. Думы: с.-д. представительство в Гос. Думах фактически стало общепризнанным центром рабочего движения всей России. Все более и более смешным становилось доказывать допустимость и полезность использования «легальных возможностей»: по широкому руслу последних хлынуло все без исключения движение, постепенно ломая полицейские перегородки, поставленные на его пути. В далекое прошлое ушли споры о «партийности» и «беспартийности» проф. союзов... Меньшевистские методы и меньшевистские лозунги побеждали по всему фронту, а меньшевиков, пионеров-проповедников этой тактики, также почти по всему фронту «снимали с постов» в ими-же созданных легальных

рабочих организациях, замещая людьми много менее опытными, менее знающими, менее самоотверженными. Здесь есть над чем подумать, есть чему поучиться.

Большой ошибкой было бы это поражение об'яснять случайными причинами, — вроде демагогии большевиков и нечестности применявшихся ими полемических приемов. У меня, конечно, меньше всего желания защищать здесь тогдашнюю практику большевиков. Тогда они впервые в широких размерах применили в своей агитации те самые методы лжи и клеветы на своих политических противников, примеры чудовищного, но вполне логического, развития которых мы могли наблюдать во время недавних московских процессов И совсем не случаен, — заметим об этом мимоходом, — тот факт, что руководящий кадр сталинского штаба был подобран из представителей того поколения большевиков, которое идеи марксизма и большевизма впервые отведало под «правдистским соусом»: люди более ранних поколений, черпавшие основу своих убеждений из более чистого источника не могли, как правило, выдежать марку сталинского «азиатского коммунизма», — на это оказались пригодными только «правдисты». Известную роль этого рода приемы, конечно, сыграли. Но ими одними все явление в целом не об'ясняется. Как всегда, причина поражения лежала не только в нечестности противника, но и в наших собственных ошибках.

Если мы начнем искать эти наши собственные ошибки, то **мы найдем** основу их прежде всего в неумении нашего партийно-политического руководства **верно намечаемые** тактические построения правильно связывать с конкретными политическими лозунгами. Это наше руководство было чересчур робкими учениками западно-европейской социалдемократии, — в первую очередь социалдемократии немецкой. В Германии все рабочее движение предвоенной эпохи складывалось и политически оформлялось в рассчете на долгие десятилетия мирной «органической» работы; возможности революционных потрясений там почти никто конкретно не предвидел; в конкретных политических построениях эту возможность, во всяком случае, никто не учитывал. В соответствии с этим лозунги для движения всегда выбирались частные, — такие, которые можно было осязать пальцами в процессе повседневной борьбы. Наше меньшевистское руководство смотрело на немцев снизу вверх и перенимало у них не только метод постановки и решения вопросов, но и их стремление к узкому практицизму, порою даже перегоняя на этом пути своих учителей (напомню сейчас хотя бы оговорку об «уголовно-наказуемых деяниях» в законопроекте о коалициях, которая даже Легином была признана нецелесообразной). Особенностей русского развития, психологии русского рабочего движения в рассчет почти не брали. А между тем эти особенности даже в годы реакции были весьма значительны: ведь Россия тогда только что вышла из периода жестоких схваток с абсолютизмом: проблемы не только аграрной, но и обще-буржуазной революции далеко не были разрешены. Страна переживала период огромной социальной ломки, и рабочий класс был полон совсем другими настроениями, пропитан совсем другой психологией, чем рабочий Запада. В той же самой Германии проблема всеобщей стачки тогда стояла, как что-то граничащее с революцией, как что-то требующее огромного психологического под'ема, — а у нас политические стачки этого типа были почти повседневным явлением, к которому привыкли и рабочие, и предприниматели.

Вот этих-то элементарных отличий российской действительности от действительности западно-европейской и психологии российских рабочих от психологии рабочих Запада, к сожалению, очень часто меньшевистское партийное руководство в своих политических построениях не учитывало. Поэтому-то в тех случаях, когда речь шла относительно, так сказать, универсальных вопросов перенесения на российскую почву тех методов и форм движения, которые были проверены на долгом опыте десятилетий западно-европейского движения, меньшевизм, внимательнее, чем другие фракции российского социализма, изучавший практику этого движения, шел всегда впереди всех этих других фракций, указывая новые для российского движения тактические методы и организационные формы, прокладывая новые дороги. Но когда от таких универсально-общих проблем дело переходило к вопросам, требовавшим знания конкретной российской обстановки, чутья реальной российской действительности, меньшевистское партийное руководство, увы, очень часто оказывалось не на высоте. Этих знаний и этого чутья ему не хватало, и в его политических рецептах вместо необходимого синтеза между опытом интернационального рабочего движения и учетом особенностей движения российского мы порою находим несогласованное с этими особенностями переложение на российскую меньшевистскую «мову» западно-европейских образцов.

Примеров такого рода промахов можно привести немало, — выступление тов. Дана в 1910 г. с лозунгом «Борьба за легальность» среди них принадлежит к числу наиболее ярких, наиболее убедительных. Признаюсь, меня искренне удивляет, почему тов. Дан счел полезным теперь напомнить именно это свое старое выступление. Его никогда и кажется никто даже в меньшевистских рядах не считал особенно удачным. Я имел возможность сейчас только бегло перелистать тогдашнюю меньшевистскую нелегальную и легальную прессу — «Голос с.-д.», «Нашу Зарю», «Дело Жизни»; возможно поэтому, что я что-либо пропустил, — но во всяком случае если в этих органах кто-либо и повторил лозунг тов. Дана, то это были одиночные голоса. Мало мальски значительного резонанса он не вызвал, — боевым политическим лозунгом течения он не стал. Вернее всего он так и остался случайным заголовком одной случайной статьи «Голоса сос.-дем.»... И это не случайно: для политического лозунга мало мальски значительного движения он был не пригоден.

«Борьба за легальность» в 1910 г., конечно, была несомненным **фактом** рабочего движения в России. Но задача лозунга не в том только состоит, чтобы регистрировать все факты, превращая их в лозунги. Лозунг должен обобщать движение, поднимать его от частных задач к общим, выяснять принципиальное его содержание. Ничего этого в лозунге «Борьба за легальность» нет. Он не поднимает движение, а **привязывает** его к частной форме, к частной задаче. Именно поэтому движение той эпохи, — даже поскольку оно шло под меньшевистским руководством, взяло для себя другой лозунг: «Борьба за свободу коалиции». По существу, с моей точки зрения, и этот лозунг далеко не стоит на необходимой высоте. Но он во всяком случае поднимается над мелкой практикой повседневной мелочной борьбы за право на существование; он вставляет эту борьбу в рамки классовых задач пролетариата в пределах буржуазного общества. Он имеет за собой большую историю и освящен традициями рабочего движения в Англии (начиная с эпохи раннего чартизма), Германии (первые опыты работы Либкнехта среди берлинских пролетариев в 1863-64 гг.), Франции и т. д. Его поэтому можно защищать перед аудиторией, — а защищать лозунг «борьбы за легальность» я бы лично не взялся, несмотря на то, что в тексте своей тогдашней статьи тов. Дан и развил ряд в основе правильных соображений...

Так подробно на этом эпизоде нашего прошлого я остановился, конечно, не в качестве историка: меня сейчас интересует не история «ликвидаторского» периода нашего партийного прошлого, а попытка тов. Дана этот лозунг, который был ошибочным для прошлого, воскресить к жизни в наши дни, когда отрицательные последствия ошибки могут быть еще более значительными. На самом деле: мы быстрыми шагами приближаемся к периоду, когда на очередь будут поставлены все большие проблемы российской действительности. В этом, повидимому, мы не расходимся с тов. Даном. В своей последней статье он пишет о «предсмертных судорогах» сталинской диктатуры. Если слова имеют какое бы то ни было содержание, они означают, что тов. Дан предвидит близкую ликвидацию этой диктатуры. Можно сильно расходиться в прогнозе относительно форм, в которых эта ликвидация пройдет; можно спорить относительно задач, которые соц.-дем. должна будет в процессе этой ликвидации поставить. Но бесспорно одно: в тот период будут поставлены **большие** задачи и именно к этому мы должны готовиться сами и должны готовить нашу аудиторию. О лозунге «**борьба за легальность**» **можно сказать** все, что угодно, но одного о нем сказать нельзя: что он готовит кого-то к постановке и решению больших задач, к пониманию тех больших проблем, разбираться в которых нам тогда придется. Наоборот: если в 1910 г. он играл отрицательную роль, **привязывая** понимание событий к определенной, весьма и весьма несовершенной, условиями нашей отсталой действительности продиктованной форме борьбы, то теперь его значение будет состоять в том, что он **принизит** наше понимание обстановки грядущих сдвигов к старой, ошибочной психологии 1910 г.

Тов. Дан ценит в этом лозунге его способность развязать «организованную самодеятельность» масс. В этом была бы известная доля правды, если бы у нас на практике были какие-нибудь возможности развязать в современной России движение под этим лозунгом; тогда можно было бы пойти на самый несовершенный лозунг, если б его результатом было хотя бы и несовершенное, но реально существующее движение рабочих масс против сталинской диктатуры. Но нужно быть не оптимистом, а совершенно слепым, чтобы не понимать, что никакого движения этого порядка мы теперь развязать не сможем, что мы сейчас вообще не активно действующая политическая партия, а пропагандистская группа, которая не вызывает какое-то действие в наши дни, а готовит сознание тех, кто сможет действовать в будущем, в дни грядущих сдвигов. Поэтому-то оппортунизм, который бывает оправдываем, если речь идет о постановке лозунгов для непосредственной акции, для нас совершенно не оправдыва-

ется обстановкой. Мы должны давать лозунги, которые осветят основные задачи пролетариата в дни грядущих сдвигов, которые помогут ему собрать свои ряды, найти союзников, расстроить ряды врагов.

Конечно, ни у кого из нас нет гарантии, что в этой грядущей борьбе мы победим, — даже если выставим правильные лозунги. Проклятие всей большевистской диктатуры в целом, и сталинского ее периода в особенности, состоит не только в том, что злого несет она стране в наше время, но и в том, что она разбивает, дезорганизует, атомизирует все те здоровые, демократические силы, которым придется выступить на сцену «на следующий день» после падения диктатуры. Но эти соображения ни в коем случае не должны нас останавливать. Тов. Дан совершенно прав, — и это одна из немногих правильных мыслей в его статье, — «поражение в борьбе подготовляет скорейшее возрождение движения; поражение без борьбы, да еще подготовленное собственными руками, надолго парализует и деморализует движение». Надо только правильно построить стратегему будущего распределения сил, надо только наметить правильные ведущие лозунги.

Б. Николаевский.

ЗАГРАНИЦЕЙ

МФПС И РУССКИЕ ПРОФСОЮЗЫ.

17-го мая в Осло открылась очередная сессия Генерального Совета Международной Федерации Профсоюзов. Среди вопросов, подлежащих обсуждению на сессии, наибольшее внимание общественного мнения привлек вопрос о взаимоотношениях между МФПС и советскими профсоюзами. Сейчас, когда пишется этот обзор, сессия еще только началась. В следующем номере нашего журнала мы познакомим читателей с прениями, которые развернутся в Генеральном Совете. Пока ограничимся обзором постановлений, которые вынесены в последние месяцы по вопросу о возможном вступлении русских союзов в МФПС профсоюзными центрами большинства стран, профсоюзы которых входят в Международную Федерацию.

Правление МФПС, собравшись в первой половине января на очередное заседание, заслушало доклад своих делегатов, ездивших в Москву на совещание с представителями ВЦСПС о возможном вступлении русских союзов в МФПС. Представители ВЦСПС, как известно, выдвинули на Московском совещании в конце ноября 1937 г. ряд **предварительных условий,** частью политического, частью организационного характера, принятие которых Международной Федерацией должно было бы привести к вступлению русских союзов в МФПС. Особенно значение должны были иметь организационные условия. Они сводились к обеспечению **в уставном порядке** значительного влияния представителей русских профсоюзов в руководстве МФПС и к предоставлению русским профсоюзам **«гарантии»** в том, что «миллионы франков», которые они будут уплачивать в качестве взносов в кассу МФПС, «не будут служить делу пропаганды против России и советского профдвижения». Условия эти не имеют прецедента в истории международного рабочего движения, и правление МФПС отклонило их целиком и постановило перенести вопрос для окончательного решения в Генеральный Совет и предложить входящим в МФПС организациям высказаться до заседания Генерального Совета по существу вопроса. За истекшие с тех пор четыре месяца высказались по этому вопросу почти все сколько-нибудь значительные национальные профсоюзные центры, примыкающие к МФПС.

Всего в «Бюллетене МФПС» опубликованы за истекшие месяцы отклики 14 национальных профессиональных центров. Из них только Национальный Совет **Испанской** Федерации Профсоюзов (УХэТэ) высказался **за принятие московских условий в полном об'еме** и предложил во всяком случае **принять их за основу** для дальнейшего обсуждения вопроса. Одновременно Испанская ФПС выразила пожелание, чтобы представители ВЦСПС присутствовали в качестве гостей на заседании Генерального Совета.

Принципиально на иную, но практически близкую к испанской точку зрения стала **Мексиканская** ФПС. Мексиканцы **признают выдвигание русскими или какими-либо другими союзами особых условий для вступления их в Международную Федерацию не соответствующим уставу МФПС.** Но при сложившейся сейчас тревожной международной обстановке «уставные и технические соображения и соображения организационного престижа, даже если они и обоснованы, не должны быть препятствием к об'единению мирового профессионального движения». Поэтому Мексиканская ФПС предлагает **временно, пока фашистская опасность не утратит своей остроты, принять московские условия** с тем, что «когда опасность минует, советские союзы не должны пользоваться особыми правами, которыми не пользуются другие организации, входящие в МФПС».

К числу сторонников принятия московских условий нередко относят далее **Французскую** ФПС (СэЖэТэ). Но это далеко не так просто. Вопрос обсуждался Национальным Советом СэЖэТэ в середине февраля. **Жуо** в своем докладе формулировал точку зрения СэЖэТэ: «Он был бы рад, если бы русские союзы входили в состав МФПС, и сожалеет о постановлении Правления Международной Федерации. **Правда, некоторые из московских условий неприемлемы. Это и следовало сказать, не отвергая условия целиком.** Задача не в том, чтобы создать для наших русских товарищей привилегированное положение в МФПС. Мы предлагаем им участие в МФПС на началах равенства. Это должно сделать возможным продолжение переговоров» («Пэпль» от 15-го февраля). В согласии с аргументацией Жуо Национальный Совет вынес резолюцию, в которой высказывает пожелание о «скорейшем осуществлении М-ой Ф-ией ПС международного профсоюзного единства».

Примирительную позицию заняла далее **Норвежская** ФПС: русские профсоюзы, в случае вступления их в Интернационал, имеют на общем основании право на соответственное их значению представительство в руководящих органах МФПС. Практически вопрос должен быть обсужден и разрешен на специальном заседании Генерального Совета после вступления русских профсоюзов в МФПС. После этого, в случае необходимости, может быть созван чрезвычайный международный конгресс. Русский рабочий класс и его организации будут пользоваться в МФПС той же поддержкой и защитой, как и все прочие организации, входящие в Интернационал. **Вопрос о специальных гарантиях для русских профсоюзов таким образом отпадает.**

Эти мысли Норвежской ФПС разделяет и **Чехословацкая** ФПС, но резолюция ее охватывает вопрос гораздо шире и по существу далеко отходит от норвежской позиции, подчеркивая в частности «необходимость в случае продолжения переговоров, выяснить, **каковы взаимоотношения русских профсоюзов и советского правительства, их роль в советском хозяйстве, их коалиционная свобода, их права в вопросах, касающихся условий найма,** а также и отношение их к Профинтерну».

Близка к этой точке зрения и позиция, занятая **Шведской** и **Финляндской** Федерациями ПС. Обе они отвергают московские условия и обе подчеркивают необходимость **выяснения** при переговорах с русскими профсоюзами вопроса о степени их свободы. Финляндская резолюция ставит при этом вопрос, **«действуют ли русские профсоюзы в условиях, соответствующих уставу МФПС», т. е. «вне принуждения со стороны политических факторов и на основе демократических прав их членов».** Шведская резолюция подчеркивает «исключительное значение» вопроса, **«пользуются ли русские профсоюзы независимостью в определении своей политики и своих методов».** В резолюции шведов подчеркивается далее, что при переговорах в Москве осталось невыясненным, **«могут ли русские профсоюзы самостоятельно нести ответственность за осуществление обязательств в вопросах борьбы с войной и фашизмом, которые они выдвигают в качестве условий об'единения».**

В резолюциях чехословаков, шведов и финляндцев речь еще идет — по крайней мере формально (у чехословаков, повидимому, и по существу) — о **выяснении вопроса** о степени независимости русских профсоюзов. В резолюциях профсоюзных центров **Швейцарии, Голландии, Польши, Венгрии, Соединенных Штатов** уже **принципиально** отвергается мысль о приеме в МФПС русских псевдо-союзов. **Польская** ФПС «констатирует, что **русские профсоюзы всецело зави-**

сят от советского правительства и могут вести лишь предписанную им политику», что вступление их в интернационал привело бы поэтому к **«ослаблению независимости МФПС». Швейцарская** ФПС «стоит на той точке зрения, что **русские профсоюзы, как государственные органы, не являются свободными профсоюзами** по типу тех, что об'единены в МФПС. Их вступление в МФПС имело бы поэтому для международного и швейцарского профессионального движения очень вредные последствия». **Голландская** ФПС «против всех форм диктатуры, в том числе и против той, которую представляют и поддерживают русские профсоюзы»; уже этим одним определяется отрицательное отношение Голландской ФПС к вступлению русских профсоюзов в МФПС. **Венгерская** ФПС в письме в МФПС подчеркивает, что она «по принципиальным мотивам» против принятия русских профсоюзов в МФПС, так как **«русские профсоюзы лишены возможности проводить в жизнь постановления международных конгрессов или правления МФПС без предварительного одобрения их правительством».** Наконец, **Американская** Федерация Труда против допущения в МФПС **«так называемых профсоюзов Советской России»**, так как союзы эти «не являются союзами в том смысле, какой это понятие имеет во всех демократических странах и имело всюду, пока после мировой войны не возникли диктатуры. Русские профсоюзы **обладают не большей свободой, чем оффициальные организации, именующиеся рабочими фронтами в Италии, Германии и Австрии.** Как и эти организации русские профсоюзы являются лишь **частью административного аппарата диктаторского правительства».** Американский рабочий класс «твердо стоит на точке зрения сохранения свободных профсоюзов и политической свободы». Вступление русских профсоюзов в МФПС «могло бы вызвать лишь смятение умов, внутреннюю борьбу и ослабление движения». **Американская Федерация Труда «не хочет участвовать в этом самоубийственном опыте»,** и в случае принятия советских профсоюзов в Интернационал «окажется вынужденной выйти из МФПС».

О **выходе** своем **из МФПС в случае принятия в нее русских профсоюзов** заявила и **Венгерская** ФПС. Та же мысль в категорической форме была высказана и в органе **Швейцарской** ФПС («Ди Арбайт», декабрь 1937 г.), но резолюция Швейцарской ФПС, посвященная вопросу о вступлении русских профсоюзов в МФПС, обходит этот вопрос молчанием.

В сильно смягченной форме мысль о **принципиальной** недопустимости принятия русских профсоюзов в Интернационал нашла свое выражение и в резолюции Национального Совета **Бельгийской** ФПС. Резолюция эта отвергает выдвинутые на московском совещании условия и подчеркивает, что вопрос о принятии в МФПС может обсуждаться лишь после того, как **«свободный** национальный профсоюзный центр примет на себя обязательство соблюдать устав МФПС и постановления ее конгрессов и других органов». В формуле о «свободном национальном центре» в зачаточном виде выражена та же мысль, которая в развернутых вариантах нашла свое выражение в швейцарской, польской и др. резолюциях. Генеральный секретарь Бельгийской ФПС **Мертенс** в своей речи на заседании Национального Совета формулировал ту же мысль с полной ясностью: **«основной ошибкой было принятие Лондонской резолюции** (т. е. резолюции Лондонского конгресса 1936 г. о переговорах с русскими профсоюзами о вступлении их в МФПС. — **С. Ш.**). Нельзя соединить несоединимое, т. е. свободные организации и русские профсоюзы».

В этих словах Мертенса формулирована — может быть, еще только полусознаваемая — программа **коренного пересмотра политики МФПС** в вопросе о принятии русских профсоюзов в Интернационал. Лондонская резолюция, о принятии которой сейчас сожалеет Мертенс, была продолжением той политики в отношении русских профсоюзов, которую МФПС последовательно проводила в течение почти двух десятков лет, начиная с первого послевоенного международного конгресса профсоюзов (в Амстердаме в 1919 г.). Сейчас эта традиционная политика МФПС в своей элементарной, классической форме нашла свое наиболее отчетливое выражение в резолюции Генерального Совета **английских** профсоюзов: Генеральный Совет признает выдвинутые ВЦСПС условия неприемлемыми и высказывается за продолжение усилий к включению русских профсоюзов в Интернационал **на основе политики и устава МФПС.**

Эта краткая формула сейчас, повидимому, оказывается недостаточной. Вопрос значительно сложнее, чем это до недавнего времени казалось громадному большинству руководящих работников международного профессионального движения, и МФПС к разрешению его оказалась, может быть, не вполне подготовленной. К критическому анализу возникших сейчас в МФПС разногласий мы еще будем иметь случай вернуться.

С. Ш.

P. S. Обзор этот был уже в наборе, когда телеграф принес краткий отчет о прениях и решениях, принятых Генеральным Советом МФПС «по русскому вопросу». Скевенелс, секретарь МФПС, предложил от лица большинства Правления (Бюро) МФПС отклонить московские условия. Но прения развернулись не по вопросу о приемлемости или неприемлемости этих условий (их, повидимому, никто и не защищал), а о желательности — независимо от каких-либо условий — вступления русских профсоюзов в Международную Федерацию. После горячих прений на голосование было поставлено прежде всего предложение Правления об отклонении условий, выдвинутых ВЦСПС. Предложение это было принято (т. е. условия отклонены) 16 голосами против 4 при 1 воздержавшемся. **За** голосовали делегаты Англии, Бельгии, Голландии, Дании, Польши, Соединенных Штатов, Финляндии, Чехословакии, Швейцарии и Швеции и шесть членов Правления (все кроме Жуо). **Против** делегаты Испании, Франции и Мексики и Жуо. Воздержался от голосования делегат Норвегии.

После этого были поставлены на голосование две резолюции: одна, предложенная делегатами Бельгии, Голландии, Польши, Швейцарии и Соединенных Штатов, об отказе от дальнейших переговоров с ВЦСПС, — и другая, предложенная французской делегацией, о продолжении переговоров. Речь шла при этом не о продолжении переговоров на основе выдвинутых ВЦСПС условий, а о продолжении традиционной политики МФПС: «Русские не должны занимать осо-

бого положения», подчеркнул Жуо, «они должны войти в МФПС с теми же правами и теми же обязанностями, что и все прочие профсоюзы, и должны подчиняться принятым решениям». Первая резолюция — об отказе от дальнейших переговоров — была принята 14 голосами; за французскую резолюцию было подано 7 голосов (голоса Франции, Испании, Мексики, Норвегии и Чехословакии и членов Правления Жуо и Тайерле).

АВСТРИЙСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ В КОНЦЛАГЕРЕ ДАХАУ.

Заграничному Бюро австрийскихъ социалистовъ сообщают из Вены:

Со времени германской аннексии Австрии Гестапо арестовало большое число австрийских социалистов. Около 120 арестованныхъ содержатся в венскихъ тюрьмах; число социалистов, арестованных в провинции, не удалось пока еще установить. Кроме того, некоторое число австрийских социалистов перевезено в «знаменитый» концлагерь в Дахау.

Среди них надо отметить прежде всего тов. Роберта **Даннеберга.** Как всем известно, Даннеберг был председателем с.-д. фракции в Венском Городском самоуправлении и председателем венского ландтага. Это он выработал в свое время финансовый план строительства знаменитых рабочих поселков Красной Вены, этих огромных рабочих дворцов, которые были сооружены социалистическим муниципалитетом. В то же самое время он был одним из руководителей с.-д. фракции в австрийском парламенте. Человек необычайной работоспособности и прилежания, с глубоким знанием дела и в то же самое время чрезвычайно обходительный, Даннеберг вел от имени социалдемократической фракции самые трудные переговоры. При Дольфусе и Шушниге Даннеберг отсидел 9 месяцев в тюрьме; сейчас Гитлер послал его в концлагерь.

11-го марта, в день прихода наци к власти в Австрии, Даннеберг хотел покинуть Вену. В тот момент не было никакого закона или распоряжения, которое запрещало бы австрийским гражданам, располагающим заграничным паспортом, выезжать заграницу. Но когда Даннеберг прибыл на чехословацкую границу, в Бреслав, то чехословацкие пограничные власти не разрешили ему (как и всем другим австрийцам, которые ехали этим поездом), вступить на чехословацкую почву: их заставили сесть обратно в поезд и вернуться на австрийскую территорию. Напрасно Даннеберг просил разрешения снестись по телефону с кем-нибудь из чехословацких социалдемократических министров: ему в этом было отказано. Когда поезд прибыл обратно в Вену, Даннеберг был вытащен из вагона гитлеровскими «ударниками», посажен в тюрьму и теперь отправлен в Дахау. Он был арестован и посажен в концлагерь за то, что пытался уехать заграницу в такой момент, когда австрийским гражданам это не было запрещено. Правда, «заграница» отказала в праве убежища человеку, который имел за собой так много заслуг...

Вместе с Даннебергом в Дахау отправлен и майор **Эйфлер,** военный руководитель Шуцбунда, главный обвиняемый в процессе шуцбунда 1935 года. Присужденный в этом процессе к 18 годам каторжной тюрьмы, Эйфлер был амнистирован в 1936 г. После своего освобождения из тюрьмы он отошел от всякой политической деятельности и сделался скромным служащим на фабрике платья. Если его теперь арестовали и отправили в концлагерь, то только за то, что он в свое время стоял во главе Шуцбунда. А, между тем, национал-социалисты сейчас ухаживают за шуцбундистами. Правительство распорядилось снова принять на работу всех членов Шуцбунда, уволенных после февраля 1934 г. В Штирии даже было организовано оффициальное торжество на могилах шуцбундистов, погибших или казненных в феврале 1934 года. При этом наци не перестают уверять австрийских рабочих, что они питают глубокое почтение к людям, которые в феврале 1934 г. боролись за свои убеждения, не щадя своей жизни. Но они в то же время скрывают от шуцбундистов, что их военный вождь и организатор арестован и отдан на растерзание палачам дахауского концлагеря.

Чрезвычайно характерно также, что арестован и отправлен в дахауский концлагерь Герман **Лакнер,** бывший секретарь с.-д. партии города Брук-на-Муре, товарищ и соратник Коломана Валлиша. Начиная с 1933 г. Лакнер почти беспрерывно сидел в тюрьмах и концлагерях Дольфуса-Шушнига. Как только судебные власти его отпускали из тюрьмы, административные власти через несколько дней его снова арестовывали, ибо клерико-фашистский режим боялся его популярности среди рабочих масс Верхне-Штирийского промышленного района. Когда Лакнер вышел из Велерсдорфского концлагеря в феврале 1936 г., он собирался уехать в Швецию, чтобы там найти работу в качестве столяра. Но прежде, чем он успел осуществить свое намерение, произошел фашистский переворот, который снова отправил его в концлагерь. Повидимому и Гитлер, подобно Дольфусу и Шушнигу, боится того человека, которого любят и уважают штирийские рабочие.

В Дахау отправлены, далее, и несколько социалдемократических адвокатов. Среди них Арнольд **Эйслер,** быв. с.-д. депутат, один из самых крупных юристов и судебных защитников Австрии, и Освальд **Рихтер,** который приобрел большую популярность, как защитник с.-д. обвиняемых на судах Дольфуса и Шушнига. Ни один из этих адвокатов не принимал участия в нелегальном движении. Они отправлены в Дахау только за то, что предоставили свои способности и знания в распоряжение обвиненных социалистов. По той же причине Гитлер держит в тюрьме адвоката Генриха **Штейница,** который, правда, не отправлен в Дахау, а сидит еще в Вене.

И, наконец, в Дахау отправлен студент Бруно **Крейски,** который был одним из обвиняемых в большом процессе революционных социалистов в 1936 г. и приобрел большую известность своей храброй и мужественной защитительной речью.

Мы привели здесь только несколько наиболее известных имен австрийских социалистов, томящихся в дахауском концлагере. Вместе с ними там содержится и много других австрийских товарищей, имена которых широкой публике неизвестны. Гитлеровские власти скрывают от австрийского народа имена жертв, отправленных в Дахау. Ни в одной газете об этом нет ни слова. Тем не менее народ узнает эти имена, и преступления гитлеровского режима вызывают должную реакцию со стороны масс. Напрасны старания наци привлечь на свою сторону австрийских рабочих уверениями, что они рабочих хотят не терроризировать, а переубедить: массовые аресты и массовые ссылки в концлагерь являются наилучшим опровержением этих лживых заверений.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

БЕГСТВО ОТ СТАЛИНА В ПАЛЕСТИНЕ.

От **«Группы выходцев из Палестинской Коммунистической Партии»** мы получили следующее письмо:

«Уважаемые товарищи,

«Мы посылаем вам экземпляр и русский перевод воззвания, нелегально распространенного нами в Палестине через несколько недель после процесса 21-го. Только две местные буржуазные газеты отозвались на него. Рабочая пресса без из'ятия обошла его молчанием. Надо полагать, что сионистские (все оффициальные рабочие организации в Палестине являются сионистскими) и узко-партийные соображения послужили причиной этого молчания.

«Из содержания воззвания вам нетрудно заключить, что мы остаемся на почве большевизма. Тем не менее, поощряемые тем фактом, что ваш журнал в еврейском вопросе не страдает сионистской ориентацией, а также тем, что страницы его предоставлялись уже неоднократно порвавшим со Сталиным большевикам, мы обращаемся к вам с просьбой найти в нем место также и для прилагаемого документа».

Документ, о котором идет в данном случае речь, представляет собою обращение Группы «ко всем коммунистам, ко всем рабочим и друзьям Советского Союза и революции» и гласит:

Страна Октября и социалистического строительства, руководство борьбою против фашизма и империализма, самое знамя коммунизма — все это находится в ненадежных и безответственных руках! Вот вывод, к которому приводят инсценированные Сталиным и Ежовым процессы.

Можно-ли представить себе разумнаго человека, верящего в силу и значение социализма и способного в то же время поверить в подлинность той картины коррупции, испорченности и фантастической, безумной измены, которую развертывают перед нами сталинские процессы? Неужели-же именно в стране радикальнейшей революции моральная сила фашизма оказалась столь велика, а влияние социализма столь ничтожно, что все признанные вожди и подлинные революционеры, а вместе с ними и широкие партийные массы — **сотни тысяч коммунистов!** — стали предателями социализма и продажными слугами фашизма? Только люди, не чувству-

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ющие в глубине души своей непроходимой пропасти между социализмом и фашизмом или страдающие органическими пороками ума и души, могут поверить этому или хотя бы поддаться сомнению!

Согласно оффициальным цифрам, еще за последние 9 месяцев перед процессом Зиновьева-Каменева до 300.000 «изменников» было исключено из партии. А ведь по настоящему оргия массового истребления партии развернулась лишь после этого процесса! По сообщениям последнего времени из некоторых местных организаций большинство членов было исключено в качестве «врагов народа» и фашистов. Выходит, что, помимо изгнанных раньше 300.000, фашизму удалось навербовать себе еще во много раз больше сторонников! Если бы все это было правдой и было принято на веру, — то навеки опозорен был бы и смертельный удар получил бы сам социализм, как идея, как движение, как осуществление. К счастью, все это — абсолютная ложь. Но ложь эта является дьявольской провокацией, несущей с собою смерть, разрушение и распад, и идет на пользу фашистскому врагу.

Если бы буржуазной реакции и впрямь удалось завербовать и поставить во главе рабочего движения и социалистического строительства провокатора, она не сумела бы наделать больше зла, чем наделал его Сталин. Нет, не враги народа и не фашисты все эти сотни тысяч и все старые вожди! Они — коммунисты! Трудно уничтожить их, не запятнав предварительно фантастическими инсинуациями. И тупореакционная бюрократия особенно заинтересована в этой клеветнической кампании, позорящей революцию.

Процессы представляют собою концентрированное выражение всех путей нынешней власти и руководства. Та же печать лжи, что на них, лежит и на «демократии», которую принесла новая конституция: ведь теперь так ясны цинизм и издевательский характер этой шантажной затеи! Хотят уверить нас, что парализующий и вульгарный режим неограниченного самодержавия и есть «самая совершенная демократия»! Но — ложь выходит из берегов! Неужели-же будем мы попрежнему насиловать свою революционную совесть и все оправдывать?

Наши лучшие сознательные годы мы шли за Сталиным. Не потому, что действительно считали его своим «отцом». В своем самообмане мы верили, что преданность Сталину тождественна с преданностью делу Советского Союза и мировой революции. Мы надеялись, что отталкивавшие нас методы случайны и преходящи. Но Сталинъ эксплуатирует нашу преданность для продолжения своих злодеяний без конца и предела. Он в одно и то же время и обманывает нас, и издевается над нами. Если бы Сталин вынужден был считаться с тем, что мы, коммунисты всего мира, не захотим освящать всех его преступлений, то даже и он почувствовал бы, что должны быть какие-то границы. Но теперь он уже не может остановиться. Насквозь прогнившая сталинская бюрократия неразрывно связала свою судьбу с ложью, шантажем, провокацией, перманентным террором — террором, направленным не против враждебных классов, а против самого рабочего класса, его авангарда в Советском Союзе и левых рабочих организаций заграницей.

И мы несем свою долю ответственности за такие результаты. И именно из глубокого чувства ответственности мы не можем и не имеем права молчать. Довольно дурманить головы запугиваниями, что буржуазия использует наш протест! Дело обстоит как раз наоборот: в действительности она использует наше молчание, чтобы всех коммунистов и самый коммунизм отождествить с ложью процессов, очевидною теперь уже для всех. Только на пользу буржуазии идет сталинская клевета, будто Советский Союз весь пронизан преступлениями, перед которыми бледнеют преступления капиталистического мира. Мы же со всей силой и всем презрением отвергаем этот навет Сталина и Вышинского. Еще и сейчас Советский Союз представляет собою нечто, несравненно более высокое и прогрессивное, нечто, совершенно иное, чем то, что нам показывают в кривом зеркале процессов и автократично-абсолютистской, регрессирующей власти. Всякое отождествление не только социализма, но и Советского Союза, каков он есть сегодня, с такими процессами и такою властью действительно дискредитировало бы социализм и Союз и было бы контр-революционно. Но чем решительнее и энергичнее будем мы бороться против этих процессов, тем меньше сможет буржуазия использовать их для очернения социализма и парализования боеспособности рабочего класса.

А между тем надвигается страшная опасность, порожденная непрерывными поражениями Советского Союза и мирового рабочего класса, — поражениями, прямо подготовляемыми сталинской политикой процессов и деморализацией Коминтерна. Надо уяснить себе до конца, что непрерывная война, которую Сталин ведет противъ партийных, хозяйственных и военных кадров, ликвидирует завоевания революции и разрушает основы советского государства. Необходимо уяснить себе до конца, что, если рабочее движение останется и дальше в порабощении режиссерам процессов, если провокация и грязь будут и дальше разводиться внутри мирового рабочего движения, то победа фашизма и падение Советского Союза окажутся неизбежными.

Товарищи! Необходимо спасти Советский Союз и знамя коммунизма! Встанем на борьбу против политики поражения, против процессов, влекущих Советский Союз к пропасти! Назад к ленинизму! К революционной борьбе международного рабочего класса!

Долой провокационные процессы! Долой режиссеров процессов и могильщиков октябрьской революции! Да здравствует Советский Союз! Да здравствует мировая революция!

От редакции. Мы печатаем этот документ полностью (лишь с необходимыми стилистическими исправлениями) в виду того интереса, который он представляет для понимания влияния, оказываемого на психологию коммунистов новою, преимущественно против самого коммунизма обращенною волною сталинского террора. Мы приветствуем, разумеется, энергичный протест авторов воззвания против этого террора, но не можем не отметить ограниченности их протеста. Нетрудно увидеть, что, по существу, авторы воззвания ограничиваются защитой **старой,** до-сталинской бюрократии («кадров») против бюрократии **новой,** сталинской, являющейся однако законным детищем старой. Но в таком виде их протест вряд-ли может расчитывать на широкий отклик в рядах рабочего класса, которому одинаково нечего ждать ни от старой, ни от новой бюрократии и которому спасение принесет не движение **«назад** к ленинизму», а лишь движение **вперед,** к свободной и организованной самодеятельности самих трудящихся масс.

ПО РОССИИ

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО.

(Из переживаний и наблюдений итальянского коммуниста)*).

Уже по моим первым статьям читатель мог составить себе представление о чрезвычайной материальной скудости жизни советского рабочего. Но все, что я рассказывал до сих пор, относилось к **иностранным** рабочим, занятым в Советском Союзе. Между тем иностранные рабочие представляют собою привилегированный слой по сравнению с местными, русскими рабочими. В этом я убедился на собственном опыте, когда работал в 1933/34 гг. шахтером в Бобрике-Донском на шахте № 10.

Жилищные условия.

Все иностранные рабочие (немцы, чехословаки, итальянцы, поляки) были сгруппированы в бараках, построенных из шлакового цемента. Бараки были разделены на комнаты величиной примерно в 40 куб. м.; в каждой комнате жило по 2-3 человека. Каждый из них имел железную койку, покрытую матрацем, простыню и одеяло. Около бараков была умывальная комната и баня. Все было чисто, в хорошем состоянии и хорошо отапливалось.

Такого рода жилища являются высшей роскошью для рядового русского рабочего. Нам они были отведены потому, что мы были коммунисты или коммуниствующие иностранцы, имеющие связи с общественным мнением тех стран, откуда мы приехали. С другой стороны, мы все были высоко-квалифицированные рабочие. По всем этим причинамъ для нас было создано привилегированное положение, которое, впрочем, на европейский масштаб было весьма относительным и едва доходило до тех удобств, которыми в капиталистических странах пользуются рабочие даже менее высоких категорий.

Совсем иначе жили русские рабочие. Они помещались в больших общих бараках, по 150-300 человек в каждом. Мужчины, женщины, дети — все вместе. Отдельные семьи пытались изолировать себя от чужих взоров, огораживая определенный угол полотнянными перегородками. Спали рабочие на деревянных топчанах, покрытых мешками с соломой, причем мешки давала администрация, а солому надо было раздобывать самим. Простынь и одеял не полагалось. Шахтеры спали одетые, прикрывались пиджаками или пальто. Грязь царила неимоверная; от насекомых никуда нельзя было спрятаться, а воздух был пропитан острым запахом овчины и дешевой махорки.

Огромная разница была и в питании между нами, иностранцами, и русскими рабочими. У насъ были специальные заборные книжки на такие продукты, как хлеб, масло, яйца, молоко. Правда, все это было нормировано, выдавалось в небольших количествах и по цене довольно высокой для нашего кармана. Но наши русские товарищи по работе должны были выполнять тяжелый труд шахтера, питаясь преимущественно селедками, пшеном, чаемъ и черным хлебом.

Зарплата.

Хочу привести здесь некоторые данные о той реальной заработной плате, которую мы и русские рабочие получали. Я цитирую цифры на память и не гарантирую абсолютной точности отдельных цен. Но реальная стоимость получаемого нами заработка вытечет из моих цифр с достаточной точностью.

Квалифицированный горнорабочий-ударник зарабатывал в мое время от 200 до 300 рублей в месяц за работу в 150 часов, следовательно, за час работы он получал в среднем 1 руб. 50 к.

В это самое время черный хлеб, которого выдавали в день по 800 гр. стоил 40 коп. кило, т. е. примерно четверть часа работы. Мясо стоило от 3 до 4 руб. за кило, что равносильно 2 часам работы. Костюм стоил от 90 до 150 руб., т. е. 80 часов или 13 рабочих дней. Рабочий костюм (спецодежда) стоил 10-15 руб., т. е. 8 часов труда. Полуботинки ценой в 50-75 руб. представляли собой 35-40 часов труда или в среднем 6 раб. дней. При этом надо иметь в виду, что речь идет о продуктах, во-первых, очень низкого качества, а, во-вторых, нормированных. Все, чего не хватало, надо было покупать на вольном рынке, а это значит по ценам совершенно астрономическим.

Весной 1937 г., к концу моего пребывания в России, я работал в качестве строительного рабочего в Москве и условия оплаты там были такие:

Средний рабочий зарабатывал от 300 до 350 руб., а квалифицированный ударник от 500-600 руб. в месяц. Работать приходилось 175 часов. Выходило в среднем по 3 р. 15 к. за час. А вот, для определения **реальной** стоимости зарплаты, некоторые цены на продукты:

Продукт	Цена за кило или единицу	Стоимость в часах работы
Хлеб белый	1,80	½ ч.
« черный	0,85	1/3 ч.
Мясо телячье	5—7	2 ч.
« баранье	6—8	2 ¼ ч.
« воловье	7 ½—10	2—3 ч.
« свиное	10—12	3 ¼ ч.
Подсолн. масло	12 (литр)	4 ч.
Сало	16—18	5 ч.
Колбаса	8—17	4 ч.
Масло	16—18	5 ч.
Маргарин	10	3 ч.
Сахар	4	1 ¼ ч.
Картофель	0,35	5—6 минут
Молоко	1,60 (литр)	1/2 ч.
Чай	4—6 (50 гр.)	1 ½ ч.
Табак	5—10 (пакет)	2 ½ ч.
Махорка	0,35 (пачка)	5—6 минут
Папиросы	0,35—1 и 5 (пачка)	1/10 ч.
Полуботинки (туфли)	120	38 ч.—5 дней
Ботинки	200	64 ч.—9 дней
Валенки (низ. кач.)	45	14 ч.—2 дня
Пальто	550	175 ч.—25 дней
Костюм	950	301 ч.—43 дня
Рубашка	35	11 ч.
Кальсоны	15	5 ч.
Фуфайка	6	2 ч.
Часы	150	47 ч.—6 ½ дня
Велосипед	1000	317 ч.—45 дней
Фото-аппарат (н. к.)	150	47 ч.—6 ½ дня

Рабочий день. — Условия труда.

Для шахтеров, работающих под землей, рабочий день должен длиться 6 часов. Но речь идет именно о 6 часах **действительной и непрерывной** работы в копи. Надо было, следовательно, устраиваться так, чтобы во время получить свою лампу, рассчитать время на ходьбу и уже во всяком случае выработать норму. На постройке, где я позже работал, рабочий день продолжался 7 часов. Но и здесь и в шахте очень часто приходилось работать сверхурочные часы. На шахте частенько приходилось работать и по 2 смены без перерыва. Оффициально считалось, что сверхурочная работа носит добровольный характер, но на самом деле она вызвалась скудостью зарплаты, которая вынуждала рабочего искать дополнительного заработка. Работа была очень изнурительная. Но не потому, что нормы были очень высоки: то, что заграницей пишут о «стахановских нормах», сущий вздор! Но работа изнуряла в особенности русских (незаграничных) рабочих, благодаря их недостаточному питанию и плохому инструменту. Чтобы добиться хотя бы средней выработки, необходимо было затратить очень много сил. Я, напр., в Европе считался средним работником, здесь же оказался одним из самых лучших ударников. Но никогда в Европе, даже в знаменитых шахтах бельгийского Лимбурга,

*) См. предыдущий номер «С. В.».

знаменитого адским темпом своей работы, я не доходил до такой степени изнеможения, как на русских копях.

Администрация отпускала нам по одному куску мыла в месяц. Излишне говорить, что в этих условиях только мы, иностранные спецы, могли себе позволить время от времени мыть нашу спецодежду. Русские же рабочие носили по 6 месяцев свою одежду, которая топорщилась от грязи, пота и масла, и не снимали ее, пока она сама не разваливалась.

Бани при копях существовали, но очень часто не действовали: то не было горячей воды, то холодной. Приходилось, поэтому, итти в городские бани, где мытье стоило 50 коп.

Русские рабочие никогда не прерывали своей работы, чтобы чего-нибудь поесть, как это привыкли делать мы. Да и то сказать, что бы они стали есть?

На той шахте, на которой я работал, газа не было. Мы поэтому работали с ацетиленовыми лампами. Вентиляция была сильно запущена. Но обшивка и подпорки были сделаны весьма тщательно. Тем не менее, из-за особенностей породы, недостатка технических знаний у молодых инженеров и общей спешки в работе число несчастных случаев было ужасающе высоко. На моей шахте за 10 месяцев насчитывалось 40 убитых на персонал в 1.000 человек.

Что нас особенно еще поражало, это то, что в самых сырых местах рабочим не выдавали ни сапог, ни непромокаемой одежды, ни клеенки, ни даже прибавки за работы, выполняемые по колени в воде.

По части **медицинской помощи** чувствовалось стремление поставить дело на большую высоту. В России я впервые увидел передвижные санитарные пункты, действующие под землей в самой шахте. Больницы были хорошо оборудованы, и персонал был добросовестный и старательный. К сожалению, не хватало хорошего питания и медикаментов.

Что касается **больничного пособия** для больных и раненых, то только ударники продолжали получать полную заработную плату. Простые рабочие, члены профсоюзов, имели право на 75%. Рабочие, не состоящие членами профсоюзов, получали только 50% (благодаря небрежности, а подчас и злой воле администрации. число таких рабочих еще довольно значительно в России). Можно себе представить, как, при указанных выше ценах, могли существовать заболевшие или пострадавшие рабочие.

Но наиболее печальная страница русской рабочей жизни — это положение русской работницы, в особенности горнячки, работающей под землей.

Когда наступает эпоха полевых работ, и в особенности жатвы, много мужчин-шахтеров разбегается. И тогда начинается страдный путь для женщин, работающих в копях. По закону их можно занимать только на легких работах. Некоторые из них действительно присматривают за моторами насосов и под'емных машин. Но большинство грузит и возит тачки или вагонетки в наклонных галлереях или отгребает уголь. «Мотористки» зарабатывают от 75 до 100 рублей, «грузчицы» — 100-110 рублей.

Я никогда не видел более тяжелого труда, чем тот, который выполняют эти женщины. Одетые в одно только совершенно грязное платье, накинутое на голое тело, — без всякого белья, потому что оно слишком дорого, — с расстрепанными от быстрых движений волосами, покрытые угольной пылью, со струящимися от пота лицами, — они представляют собою **рабочий скот** в буквальном смысле этого слова. При этом они отданы всецело на произвол надсмотрщиков или даже рабочих, которые не всегда обладают достаточным чувством ответственности. Ложь, что женщин отпускают для того, чтобы они могли кормить грудью своих маленьких детей: я ни разу не видал, чтобы хоть одной работнице позволили прервать работу для этой цели.

На постройках и в московском метро в 1935-37 гг. именно женщины таскали кирпичи, известку, мешки с цементом, — одетые так, как я описывал выше. Я знал трех работниц, которые сообща имели одну рубаху, которую они одевали поочередно в выходные дни, отправляясь на танцульки. Я вспоминаю, каким взглядом побитой собаки одна из них, — та, которая впоследствии стала моей женой, — следила за куском белого хлеба, который я ел, как «иностранный спец».

Вы спросите: неужели же рабочие против этого не борются? Конечно, стачек никогда не бывает, ибо не только стачка, но и малейший ропот вызывает обвинение в саботаже и кончается ссылкой. Но глухого недовольства не оберешься. Мы, иностранные специалисты, позволили себе в 1936 г. на стройке «Библиотеки» приостановить работу на несколько часов, из-за конфликта по поводу зарплаты. Русские рабочие, которые работали вместе с нами, были счастливы этому предлогу, чтобы замедлить темп своей работы. Но никто из них к нам не присоединился. Кончилось тем, что мы добились своего. Но не надо забывать, что мы были иностранцы, а кроме того члены партии.

В общем же недовольство и сопротивление рабочих проявляется пока только в своеобразных и чрезвычайно «прикровенных» формах: то находят мастера, убитого «хулиганами» где-нибудь в рабочем предместьи; то вдруг в метро великолепные мраморные плиты оказываются испорченными неизвестной рукой. В общем — это акты мести, а не действительно организованный саботаж.

Примет-ли сопротивление рабочих более организованную форму, сможет ли оно превратиться в массовые рабочие выступления? Не беру на себя смелость высказаться по этому поводу.

ЕЩЕ ОДНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ СТАЛИНА.

Один из столь многочисленных ныне польских коммунистов, порвавших с сталинской партией, пишет нам об **истреблении польских коммунистов:**

Между вторым и третьим московским процессом Ежов, тайком от внешнего мира, уничтожил весь руководящий персонал польского коммунистического движения, заклеймив его, как **агентуру польской охранки.** Среди расстрелянных или арестованных находятся такие люди, как Адольф Варский (Вар, Варшавский), ближайший друг и сотрудник Розы Люксембург, один из основателей предвоенной Социал-демократии Царства Польского и Литвы, основанной в 1893 году, и послевоенной Коммунистической Польской Партии, Вера Костржева (Мария Кошуская), вождь предвоенной ППС (левицы) и фактическая руководительница КПП, Ю. Ленский (Ю. Лещинский), руководящий член СДЦПиЛ и генеральный секретарь КПП и много других виднейших партийных деятелей.

Сталин вполне отдавал себе отчет в том, что никто в Польше не поверит, чтобы эти старые польские революционеры были агентами польской охранки, и что сам факт их ареста или расстрела может вызвать возмущение среди польских коммунистов. Поэтому сталинские агенты в Польше тщательно замалчивали возмутительную расправу. Теперь, когда она все-же стала известна, молчать уже нельзя и в № 2 официального органа Коминтерна «Kommunistische Internationale» за 1938 год появилась статья некоего С. Свенцицкого из Варшавы, стиль и содержание которой свидетельствуют однако, что она принадлежит автору не польского происхождения, а представляет собою серийный продукт ежовской марки.

Какие-же доказательства приводит эта статья - обвинительный акт для обличения обвиняемых в приписываемых им страшных преступлениях? Остановимся на некоторых, наиболее существенных.

ПОМНИТЕ О ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ!

«Согласно директиве охранки, вожди обеих фракций пытались систематически обманывать Коминтерн. Они фальсифицировали цифры о состоянии партийной организации, составляли дутые отчеты о никогда не бывших массовых движениях» (ст. «Provokateure am Werk», с. 221). Но, если это доказательство провокаторской работы, то почему-же обвиняют в ней только польскую секцию Коминтерна? Разве не все секции без исключения представляли дутые отчеты? И разве они не следовали в этом случае лишь примеру свыше? Кто-же в таком случае руководил и руководит советско-коминтерновским аппаратом?

Надо напомнить однако, что еще в 1930 году группа польских коммунистов оппозиционеров обвиняла ЦК в составлении лживых отчетов о движении и партийной работе и что за это они (через посредство ЦК, ныне разгромленного) были об'явлены паникерами, социал-фашистами и троцкистскими агентами охранки.

Присмотримся к другому, столь-же вескому доказательству:

«В руках кругов, близких Пилсудскому, главным средством дезорганизации коммунистического движения было разжигание фракционной борьбы в компартии. Польская охранка имела своих агентов в обеих фракциях (большинства и меньшинства), и этим об'ясняется, почему во время майского переворота обе фракции не заняли классовой позиции, а лишь поддерживали Пилсудского» (там-же).

Кто знает историю КПП, тому известно, что не было ни одного года в ее истории, когда бы она не раздиралась внутренними кризисами и фракционной борьбой. С 1919 по 1922 год велась внутри-партийная борьба с ультра-левой, весьма сильной группой Гржеха-Ковальского, с 1923 по 1924 — с группой Варского-Валецкого, в 1924-25 гг. — с группой Домского-Софии Уншлихт. И т. д. По методу «Kommunistische Internationale» следовало бы заключить, что вообще КПП создана охранкой, так как и основана она была лишь в декабре 1918 года! Кстати фракционная борьба, как и дутые отчеты, не была ведь специфически польской особенностью. Разве открытая или подпольная фракционная борьба не велась решительно во всех секциях Коминтерна за все время его существования? Разве не приводила она то и дело к исключениям из партии? Кто-же были в таком случае руководители Коминтерна? Теперь скажут — «провокаторы» Зиновьев, а потом Бухарин. Но ведь до 1923 года руководил всем международным коммунистическим движением сам Ленин!

Перейдем к третьему доказательству: старые вожди «поддерживали майский переворот по директивам Пилсудского».

Правда заключается в том, что не только вожди, но **вся партия** делала это. А делала она это отнюдь не по директивам ЦК, с которым как раз в это время всякая организационная связь была прервана. Выходит, стало быть, что директивы из охранки получали непосредственно местные организации. А между тем на самом деле никто в Польше, кроме самых узких, непосредственно заинтересованных кругов, не знал, что переворот готовится именно на 13 мая.

Статья Свенцицкого видит доказательство вины истребляемых ныне вождей еще и в том, что готовившийся в 1928 году раскол в Варшаве был делом рук провокаторов. Но чем-же об'яснить в таком случае, что вдохновители этого раскола уже годы сидят в тюрьме, где им предстоит пробыть еще много лет? Выученик Вышинского об'ясняет это тем, что охранка иногда нарочно сажает в тюрьму своих людей — на 8, 10 и 12 лет!! Для полноты «доказательства» не хватает только «сознания» самих обвиняемых. Но это уж привилегия исключительно граждан самой счастливой на свете страны!

Но где-же был все-таки источник майской ошибки? Его надо, в первую очередь, искать на совершенно другой географической долготе. Было тогда время тесной дружбы с Чан-Кай-Ши, роспуска Китайской Коммунистической Партии и ее слияния с Гоминданом и пр. В Польше ком-актив думал, что Пилсудский — это польский Керенский, и что его тем паче надо поддержать. Варский писал тогда, что «наши цели идут дальше целей Пилсудского, а потому часть пути можно пройти с ним вместе». Ленский говорил в германской «Роте Фане» о «революционной армии Пилсудского». Фракции образовались лишь **после** майского переворота, в августе 1926 года, т. е. после письма Коминтерна, в котором была дана директива о проведении дискуссии в партии, причем фракция Варского представляла правую, а фракция Ленского левую тенденцию.

Вопреки старому правилу Коминтерн в данном случае не снял руководящую головку. Об'ясняется это тем, что, пока существовал блок между Сталиным и Бухариным, борьба за власть внутри КПП не могла быть разрешена в пользу той или другой фракции: в партии был установлен паритет течений, а Коминтерн назначил двух комиссаров, которые и были фактически хозяевами партии. Отсюда видно, кто именно «дезорганизовал партию»... Лишь когда Сталин окончательно порвал с Бухариным, фракция Варского была устранена от партработы (1929 г.), и Ленский, со своим ультра-левым прошлым, был признан более подходящей кандидатурой на пост Генсека КПП на «третий период», период сталинского социал-фашизма.

Но почему-же все-таки Звероподобный, по меткому выражению Х. Раппопорта, истребил руководящие кадры КПП? Причин тому несколько.

Во-первых, старые польские коммунисты были тесно связаны с старыми большевиками долголетней дружбой и служебными связями (хозаппарат, ГПУ и пр.). Когда Ежов взялся за «чистку» старых большевиков, его окровавленные руки неминуемо должны были наткнуться и на польскую колонию в центре и на местах.

Во-вторых, для новой линии сталинского социал-патриотизма в Польше не годятся люди, десятки лет ведшие борьбу против лозунга «независимости Польши» и бывшие сторонники Розы Люксембург, которой Сталин об'явил войну.

Возможно, наконец, что, истребляя кадры КПП физически и морально, Сталин подготовляет почву для каких-то международных комбинаций.

Как бы то ни было, разгром КПП, производимый не буржуазией, а Сталиным-Ежовым, должен заставить призадуматься всех, кто всю свою жизнь отдал делу рабочего класса и хочет и впредь служить ему. Молчать и оставаться в сталинских рядах значит нести ответственность за все зверства террористического режима и изменять делу социализма...

X.

ИЗ ПАРТИИ

ПОЕЗДКА Ф. ДАНА В ШВЕЦИЮ.

По приглашению шведских товарищей Ф. И. Дан прочел 29 апреля в Стокгольме и 3 мая в Гэтеборге доклады на тему «Кризис сталинской диктатуры».

В виду общего международного положения и, в частности, того положения, которое создано для Швеции и всей Скандинавии угрозой гитлеровщины, с одной стороны, необходимостью расчитывать на противовес, представляемый этой угрозе Советским Союзом, с другой, — самая тема докладов Ф. Дана вызвала большой интерес в партийных кругах. Помимо подробнейших отчетов о докладах шведская партийная печать поместила обстоятельные интервью с т. Даном. Такие-же интервью были напечатаны и в некоторых органах общей прессы.

Со своей стороны, сталинцы, имеющиеся и в Швеции, хотя в количестве ограниченном, не могли пройти равнодушно мимо докладов т. Дана и отметили их в своих стокгольмском и гэтеборгском органах гнуснейшими статьями по адресу докладчика. Само собою разумеется, что главной темой этих статей были пресловутые «признания» бывшего Наркомзема Чернова на процессе Бухарина-Рыкова. По приглашению редактора Стокгольмского «Социалдемократа», тов. Хэглунда, на статью сталинской стокгольмской газеты, озаглавленную: «первомайский гость Хэглунда — агент германской разведки», т. Дан ответил статьей под заголовком: «Подлинные агенты Гитлера сидят в Кремле».

Помимо докладов, т. Дан имел обстоятельные беседы с рядом виднейших деятелей шведской с.-д. партии, профессионального и кооперативного движения. Такого же рода беседы имел т. Дан с датскими товарищами в Копенгагене, где он остановился на обратном пути. Центральный орган датской соц.-д-тии, а также вся провинциальная партийная печать поместила обширные интервью с т. Даном.

Результатом поездки явилось значительное укрепление дружеской связи нашей партии с партиями Скандинавии. Два меморандума, написанных т. Даном, ознакомили скандинавских товарищей с ролью и значением нашей партийной работы и, в частности, нашего журнала в тот критический период, который переживает ныне сталинская диктатура и, вместе с нею, весь советский режим.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень Экон. Кабинета проф. С. Н. Прокоповича. № 140.
Голос Отечества, № 2.
Українська Воля, № 2.
Дело Труда, № 101.
Б. Суварин. Признания в Москве. Стиск из «Русских Записок».
Знамя России, № 5 (105).
Новая Россия, № 45, 46.
Информационный Бюллетень НКТ и ИФА, № 37.
Современные Записки, кн. 66.
I. P. I. Informations Pédagogiques Internationales, N° 4.
Bibliothèque du Comité d'Amitié des Peuples du Caucase, du Turkestan et de l'Ukraine: Les «élections» en U.R.S.S. Paris, 1938.
B. Souvarine. Aveux à Moscou. Extrait de «La Vie Intellectuelle».
La Révolution Prolétarienne, N° 269, 270.
Independent News, N° N° 34, 35, 36.
Socialist Review, Vol. 6, N° 6.
Delnicka Osvêta, N° 4.
Que faire?, N° 41.
Nouveaux Cahiers, N° 24, 25.
International Review, Vol. 3, N° 2.
La Liberacana Sintezo, № 3.
Proletarian Outlook, vol. 4, № 5.

Le Gérant : **Paul Colliette** Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.